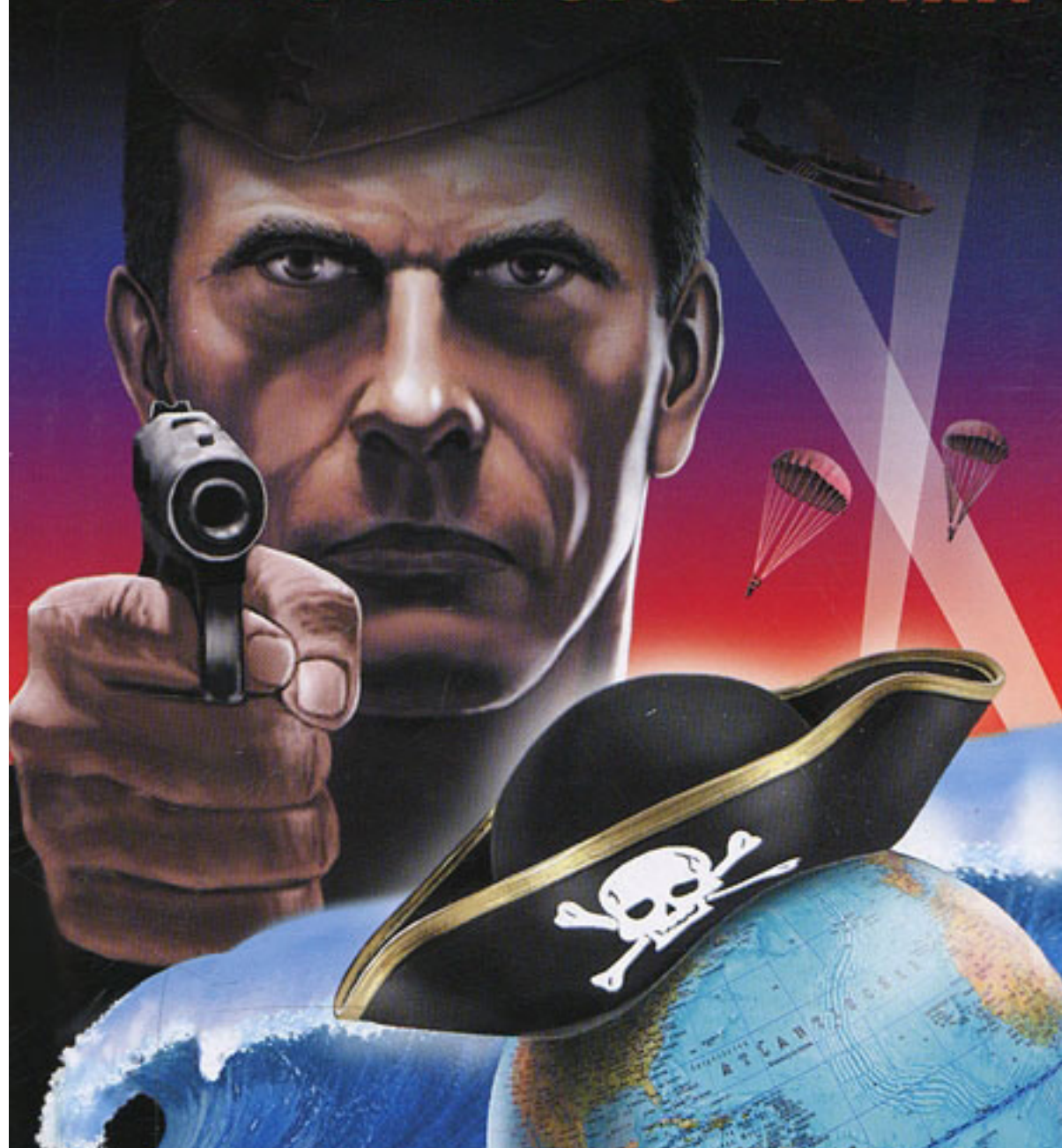

БОРИС

БАБКИН

РЕБУС СТАРОГО ПИРАТА

Ребус старого пирата

Борис Бабкин

Ребус старого пирата

«Издательство АСТ»

2009

Бабкин Б. Н.

Ребус старого пирата / Б. Н. Бабкин — «Издательство АСТ»,
2009 — (Ребус старого пирата)

Мафиози и бизнесмены, наемники и просто авантюристы – вот кто ищет по всему свету фрагменты двух разборных глобусов XVIII века, на одном из которых указал местоположение своего клада легендарный пиратский капитан. Но где они находятся? В Канаде или в США, в Мексике или в Индии, на Аляске или в Англии? Поначалу никому из искателей пиратских сокровищ и в голову не приходит, что самым важным из «ключей» к кладу владеет молодая россиянка Катя, работающая геологом на Дальнем Востоке. Однако все тайное рано или поздно становится явным – и тогда на девушку начинается настоящая охота. Спасти свою жизнь Кате будет нелегко – ведь по ее следу идут профессионалы высокого класса, не знающие ни страха, ни жалости. Кто же ей поможет?

© Бабкин Б. Н., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Борис Бабкин

Ребус старого пирата

Июль 1945 года. СССР, Дальний Восток

Самолет летел, едва не задевая верхушки деревьев. По небу шарили мощные лучи прожекторов.

- Он низко идет! – раздраженно кричал кто-то. – Какого хрена небо высвечиваете?!
- Как ты? – крикнул сидящий на месте штурмана мужчина.
- Нормально! – отозвался пилот. – Мы оторвались.
- Они нас давно потеряли. Горючего хватит?
- Нет. Придется прыгать. Мы уже над Россией.
- Хотелось бы.

США, Аляска

- В чем дело? – спросил полковник ВВС США.
- Русские истребители, – прозвучал ответ.
- Возвращайтесь! – приказал полковник. – Не хватало еще войны с союзником.

– Кто с тобой был? – Темнокожий сержант ВВС ударил ногой мужчину с окровавленным лицом.

- Я не понимаю, о чем вы, – промычал тот. – Я...
- Сержант снова пнул его. Двое солдат стали его избивать.
- Хватит! – бросил вошедший мужчина в штатском. – Живой?
- Почти, – простонал избитый.
- Снять наручники, – приказал штатский.
- Один из солдат, присев, отстегнул наручники и отошел в сторону.
- Объясните, что происходит? – Избитый с трудом поднялся. – Я ничего не понимаю...
- Я капитан четвертого отдела ЦРУ Генри Джойс, – представился штатский. – Как вас зовут?

– Жак Дюпелье, – хрипло ответил избитый. – Скажите, капитан, в чем дело? Я был в плену у нацистов с сорок третьего года в концлагере под Бременом. Освободили меня ваши. Я был на корабле вместе с вашими военными, которые...

– Хватит! – неожиданно гаркнул капитан. – Тебя нет среди прибывших в США. Фотографии всех есть, а твоей нет. – Он выдохнул сигаретный дым. – Как ты сюда попал? Справки о тебе тоже нет. А ты хорошо говоришь по-английски.

– Моя мать англичанка. Я с детства говорю на двух языках. Родителей убили немцы. Я был во французском Сопротивлении. Меня задержали во время облавы и отправили в лагерь.

– Мы тебя расстреляем, – спокойно проговорил Джойс и, схватив Жака за грудки, рывком поставил на ноги. – Кто с тобой был?! Где четвертый?!

– Я ни в чем не виноват, – растерянно произнес Дюпелье.

– Как ты попал на Аляску? – спросил Джойс.

– В лагере я познакомился с двумя канадцами. И мы решили пробираться в Канаду. Можете проверить. Они живут в Доусоне. Там я познакомился с Гарри Дэниэльсом, он и предложил поехать на Аляску. Поэтому я...

– Что ты делал около военного аэродрома? – перебил офицер.

– Я не знал, что здесь аэродром. Просто ехал мимо, вез продукты рабочим. И вдруг сирена, стрельба, и меня...

– В камеру его, – приказал капитан. – И не трогать.

Магаданская область

Близкий разрыв сильно тряхнул самолет.

– Вернулись на родину! – Пилот выругался.

– Они же не знают, кто мы! – сказал второй.

– И лучше бы не узнали, – пробормотал летчик.

– Ты с парашютом прыгал, Морозов?

– Только однажды. А вы, Мирославский, кстати, где научились?

– Плохая у тебя память, я же...

– Я спросил, где вы научились так драться?

– Мой дед в совершенстве владел джиу-джитсу. И еще уроки отца. – Неожиданно пилот заорал: – Прыгай!

– Вон самолет! – крикнул солдат. – Он беззвучно летит. Падает!

Солдаты бросились на землю. Стоять остались двое – старшина и коренастый капитан. Метрах в трехстах от них раздался мощный взрыв.

– Салаги, – пренебрежительно проворчал старшина. – Вот ведь...

– Товарищ капитан! – раздалось издали. – Двое на парашютах!

– За ними! – приказал офицер. – Если ответят по-русски, кончать на месте эту мразь.

Магадан

– Москва на проводе. – В кабинет вошел капитан НКВД.

– Знаю, – кивнул полковник. – Я разговаривал с наркомом. Американцы заявили, что двое неизвестных захватили в Уэйлсе двухместный самолет. Ранены двое часовых и двое покалечены. Но это скорее всего акция спецслужб. Если мы захватим агентов, американцы потребуют их выдачи. Это что-то новенькое. Надо брать этих летчиков.

– Двое спустились с парашютами. – В кабинет вошел старший лейтенант-пограничник. – Их преследует наша группа.

– Одного хотя бы живым надо взять, – сказал полковник. – Впрочем, если и обоих положат, невелика беда, – вздохнул он.

Магаданская область

– Морозов! – отрезав стропы тащившего его по земле парашюта, крикнул Мирославский. – Иван!

– Здесь я, – послышался голос из густого стланика.

Мирославский бросился туда.

– Что с тобой? – Он отрезал стропы повисшего на деревьях парашюта.

– Что-то с ногой, – ответил Морозов. – Дома мы, Евгений! – радостно закричал он. – Дома!

– Я бы не особо веселился, – буркнул Мирославский. – Даже если половина из того, что говорят о вернувшихся на родину пленных, правда...

– Чепуха все это. Ведь мы не сдавались, нас взяли, когда мы были без сознания. А как в Америку попали, объясним, нам поверят.

– Тут они! – раздался веселый возглас.

– Товарищи! – поднявшись с помощью Мирославского, закричал Морозов. – Я офицер девя...

– Паскуда ты! – Солдат сбил его прикладом. На Мирославского бросился второй. Пропустив над собой приклад автомата, Евгений ударил солдата по колену и, поднимаясь, отправил его в нокаут. Ногой достал подбородок другого. Тот упал.

– А ты говорил, чепуха, – поднимая Морозова, процедил Мирославский. Ударил автоматная очередь. Мирославский, сбив на землю товарища, выхватил револьвер.

– Не стреляй! – попросил Морозов. – Это ведь наши...

– Сдавайтесь, предатели! Может, и поживете немного!

– Мы свои! – приподнявшись, крикнул Морозов. – Я политрук...

– Сволочь ты! – ответили с той стороны. – Место твое на... – И тут же раздалась автоматные очереди. В плечо Морозова вонзилась пуля.

– Уходи, Евгений, – простонал он. – Хотя бы ради наших...

– Сдурел? – Мирославский взвел курок «кольта». – Не уйду...

– Уходи! – Морозов схватил автомат. – Хотя бы ради того, что мы знаем. Уходи, Мирославский! – Он выпустил короткую очередь в сторону преследователей. – Убьют обоих! Уходи! – Он снова выпустил очередь. В ответ ударили автоматы и ручной пулемет.

– Вот мы и на родине, Морозов, – вздохнул Евгений и положил руку ему на плечо. – Прощай, Иван.

– Прощай. И спасибо тебе. – Морозов слабо улыбнулся.

– Бросьте оружие, гады! – послышалось вблизи. – Не уйти вам, фашистские прихвостни!

Морозов смотрел вслед сбежавшему в распадок Мирославскому. Пошевелинулся один из четырех солдат. Морозов ударил его по голове прикладом.

– Прости, солдат, – прошептал он и, выпустив очередь в сторону преследователей, вжался в землю. – Под Киевом так по нас немцы били, – простонал он, сунул ствол автомата в рот и закрыл глаза. «Сколько раз представлял себе, что застрелюсь, – думал он. – Но даже предположить не мог, что застрелюсь на Родине». – Послышался топот, и он понял, что к нему бегут несколько человек. – Удачи тебе, Мирославский!.. – Морозов нажал на курок.

Скатившись в узкий распадок, Мирославский замер. Загремели автоматные очереди.

– Живым я не дамся вам, братья-славяне! – Он вытащил «кольт». – Стрелять в вас не буду, все-таки свои. Вы нарушителей ловите, а ведь мы на Аляске захватили самолет и удрали от американских истребителей. Вот так... – вздохнул он. – А я вроде как и погибать права не имею. А что я могу сказать, если возьмете сына расстрелянного в тридцать седьмом врага народа?.. То, что я воевал за вас, вам плевать. Вы меня даже не расстреляете, а в лагерь сунете. В плен, теперь советский, я не пойду, хватит с меня немецкого. Если там надежда была, что придут наши и освободят, то здесь на что надеяться? – Послышался приближавшийся собачий лай. – Это плохо! – Мирославский достал из кармана кисет и вошел в ручей. Пробежав метра три, вернулся. Осторожно поставил ногу на плоский камень, посыпал свои следы порошком из кисета и медленно пошел вверх по сопке.

– Вот тут он в ручей вошел, – проговорил проводник овчарки. – Дальше не пошел, собака след взяла бы.

– Вон в ту сторону двинулся! – увидев сломанные ветки, крикнул один солдат.

– Вперед! – скомандовал старший лейтенант.

– Застрелился, гнида, – усмехнулся капитан. – Видать, столько у него...

– Да что-то непонятно мне, – перебил его старшина. – Он ведь не по нас стрелял, а вверх. Ну чтоб просто...

– Хватит, Харин! – остановил его офицер. – Молчи. Я тебя знаю, поэтому никому ничего...

– Так я тебе, капитан, и говорю! – Старшина усмехнулся в усы. – Неужели ты не понял, что этот мужик...

– Хватит, – повторил капитан, – договоришься, старшина, сам знаешь, какое время сейчас.

– Понял, товарищ капитан.

– Ну что? – спросил капитан подошедших солдат.

– Нет там никого, – ответил один. – Видно было бы, если бы кто зашел в распадок.

– Пошли дальше, – сказал капитан. – И поосторожнее. Опасный он и наверняка вооружен, даже автомат не взял.

– Его живым брать? – спросил кто-то.

– Да, но если попробует сопротивляться, бейте на поражение.

– Из Магадана пришел приказ живыми брать, – напомнил старшина.

– Один застрелился, а второй оказал яростное сопротивление, – усмехнулся капитан. – Я солдатами рисковать не стану. Слышал, что Лугов о нем говорил – ногами бьет, как серпом. Японец, наверное, у них эти приемы отработаны. – Впереди раздалась автоматные очереди. Сухо щелкнул револьверный выстрел. – Вперед! – крикнул капитан.

Мирославский, скатившись с крутого пригорка, упал в сухое русло. Увидел метрах в двадцати на склоне сопки двоих солдат и нажал на курок. Пуля просвистела над головами солдат.

– Не воевали юнцы, – вздохнул Евгений и упал за обросший мхом камень, по которому тут же застучали пули автоматных очередей. – Не уйти! – оскалился Мирославский. – А как же это? – Он дотронулся до груди. – Нет уж, великому Союзу не достанется, слишком большую цену я заплатил за это. Деда расстреляли, отец пропал в лагерях. А ведь он верно служил вам, товарищи коммунисты. Может, пристрелить кого? Офицера увижу, буду стрелять на поражение. – Евгений пополз в чащу березняка и тут же провалился в заросшую травой и кустарниками яму. Сильно ударился, но, стиснув зубы, сдержал стон и приставил ствол к виску. Вверху услышал шаги.

– Куда он делся, сволочь?! – спросил кто-то.

– Тут камни и ручей, он по камням ушел, – слышалось в ответ.

– Его, суку, и по ручью пытались достать, – сказал старшина. – А поняли, что он не туда идет, метров через сто. Здорово подготовили его в абвере.

– Через час рассвет, никуда он не денется, – проговорил капитан. – Нужно рассыпаться и прочесать этот склон. Как только что-то заметите, немедленно доложите.

– Только бы не нашли, – прошептал Мирославский. – Но могут, тогда лучше никому, чем коммунистам. – Он снял с шеи довольно большой кожаный пакет. Посмотрев вверх, прислушался и подался вперед. – Тут что-то вроде прохода. – Он пошарил рукой. – Кажется, пролезу.

– Сюда! – слышал крик. Простучал автомат. Ему ответил пистолетный выстрел.

– А это еще кто? – удивился Евгений. Застучали автоматные и пулеметные очереди. Мирославский повесил пакет на шею и пополз по лазу.

– Ушел, сволочь, – недовольно проговорил подбежавший к капитану старший сержант. – Ранил одного и в скалы бросился, потом на сопку взобрался и пропал. Вроде все проверили и оцепление выставили...

– Оцепление, – проворчал старшина. – У тебя девять человек. По скалам лазали минимум четверо, а пятеро что могут увидеть?.. – Он махнул рукой. – Да и время самое, что ни на есть паскудное – и не темно, и не светло. А люди на ногах уже сутки. Так что он и рядом пройдет, не заметят.

Магадан

– В пятом квадрате вполне возможно появление двух беглых из лагеря, – сообщил подполковник НКВД. – Они вооружены. При побеге ранили офицера и забрали пистолет и охотничье ружье. Оба власовцы и...

– Один бандеровец, – поправил его мужчина в штатском.

– Есть мнение, – продолжал подполковник, – что самолет выслан за ними. Эти двое, которые спустились на парашютах, должны...

– Чепуха! – перебил его генерал-пограничник. – На аэродроме в Уэйлсе самолет был захвачен. Ранены двое часовых и один погиб, ему сломали шею. Сведения точные, – увидев, как переглянулись сотрудники НКВД, добавил генерал. – Бежавшего власовца взяли в Одессе. Зэки слышали их разговоры о том, что они попытаются уйти в Штаты. Но я не думаю, что они связаны с перелетевшими границу. Точнее, уверен, что никак не связаны. Скорее всего эти двое были освобождены американцами из лагеря и попали в США. Вы знаете о таких случаях, – обратился он к полковнику НКВД. – Двое пытались вернуться на Родину. Надо было...

– Генерал Трошин! – гневно перебил его полковник. – Вы думайте, прежде чем такое говорить.

– Я всегда думаю, о чем говорю, – ответил генерал. – А вот вы...

– Хватит, Игнат Васильевич, – улынулся штатский. – Плохо то, что этих двоих не возьмут живыми. Один застрелился, а второй уж больно ловок, шельма, я даже подумал, не японец ли, – посмотрел он на полковника. – Слишком хорош в драке, а этим японцы отличаются.

– Об этом уже думали, – кивнул полковник. – Тогда объясняется стрельба на американском аэродроме. Тот, что застрелился, русский. В Японии много белогвардейцев, их потомство до сих пор мечтает о возмездии.

– Мечтать, как говорится, не вредно, – усмехнулся штатский. – Но второго желательно взять живым. И пусть не допрашивают на месте, сразу к нам. Никакого давления и угроз, это приказ.

Мексика, Акапулько

– Ты все понял? – тихо спросил лежащий в постели мужчина лет сорока. – Там, – он показал глазами на сейф в углу, – все о них. Конечно, по возвращении в Россию их отправят в лагерь, так что работа предстоит нелегкая. Но ты, Фридрих, должен их найти.

– Яволь, оберштурмбанфюрер, – ответил рыжеватый верзила.

– Поклянись Господом и жизнью своих близких, что об этом узнает мой сын. И запомни, Фридрих, если ты этого не исполнишь, то содохнешь, как собака. Генрих должен узнать об этом, когда ему исполнится восемнадцать. – Бледные губы лежащего тронула легкая улыбка. – Ты оставишь себе треть, а остальное получит Генрих.

– Я все исполню, оберштурмбанфюрер, – ответил Фридрих.

– У тебя в России кто-нибудь есть?

– Двое завербованных.

– Подключите их.

– Яволь! – Фридрих шагнул к сейфу.

США, Аляска

- Не мог раньше меня вытащить? – проворчал, садясь в джип, Дюпелье.
- Если бы мог, вытащил бы, – тронув машину, огрызнулся плотный мулат.
- Ты чем-то недоволен, Кроули?
- Понимаешь, что ты наделал? Они забрали...
- Не может быть!
- Я опоздал. Это я позвонил в полицию и предупредил...
- С ума сошел?! А если бы русских взяли?!
- К сожалению, не взяли. И я не знаю, что делать.
- Граф забрал то, ради чего рисковал жизнью. Хотя не думаю, что он что-то сможет сделать.
- Надо постараться найти его родственников.
- Отец его расстрелян в тридцать седьмом, а его матери в разгар гражданской войны удалось бежать во Францию.
- Однако он поехал в Россию. Что ты о нем знаешь?
- Да, в сущности, ничего... Значит, русский граф кое-что забрал у Фашнета? – Жан усмехнулся. – Я уверен, что он сможет выжить в России, а сейчас там очень и очень нелегко. В данный момент соваться в СССР – все равно что сунуть в рот ствол пистолета, нажать на курок и надеяться на то, что будет осечка.

Магадан

- Черт возьми, – зло проговорил полковник НКВД, – пять дней не могут взять второго парашютиста. С беглыми покончено, а...
- Как раз из-за беглецов и не получилось, – перебил полковник пограничных войск. – Беглецы разделились, и наши группы шли за ними. А поняли, что это беглые, через сутки с лишним...
- Значит, парашютист вполне может находиться в квадрате двадцать. Надеяться на то, что он погиб, я бы не стал... И вот еще что, имеются сведения, что в нашей области появилась группа японских диверсантов. Чувствуют узкоглазые, что вот-вот по ним ударим, союзникам без нас с ними не справиться.
- Надо найти парашютиста, – сказал генерал НКВД. – Вполне возможно, двое захватили самолет и перелетели к нам, преследуя определенные задачи. Во-первых, спровоцировать конфликт между США и СССР. А во-вторых, скорее всего диверсионную группу прислали за этими двумя. Как известно, в Японии живут бежавшие туда белогвардейцы. И кое-кто работает на японцев. Группу нужно уничтожить, а второго парашютиста взять живым. Это приказ!

Магаданская область

- Автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы раздавались на склоне высокой сопки.
- Группу мы нашли! – сообщил в радиопередатчик сержант-пограничник. – Восемь человек. Один уже убит. Остальные оказывают яростное сопротивление и пытаются прорваться в сторону девятого квадрата.
- К берегу, значит, – послышался ответ. – Не выпускать!

– Нам нужно подкрепление! – наклонился к радиии капитан погранвойск. – Я даже окружить их не могу, у меня всего двенадцать человек! Двое раненых и двое убитых!

– Чем языком у радиии чесать, иди к своим! Упустишь – пойдешь под трибунал, Стрижов!

– У меня зелень в группе, – зло ответил капитан, – никто пороха не нюхал! И стреляли только по мишеням! Класть мальчишек я не буду!

– Упустишь – лично погоны сниму! – зло пообещал абонент.

Капитан выматерился и, схватив ППШ, побежал в сторону удалявшейся перестрелки.

– Есть один! – прокричал солдат без пилотки, бросаясь к лежащему на полянке человеку в камуфляжном комбинезоне. – Живой!

– Идем! – раздалось из зарослей справа. К солдату подбежали четверо.

– Узкоглазый! – Сержант ткнул стволом автомата в спину лежащего. – Что же ты себе хара...

Японец подсечкой сбил его с ног, прыжком вскочил на ноги и что-то прокричал. Ахнул взрыв. Выбежавший на поляну старшина рухнул, закрыв голову руками. По спине застучали камешки и сучья. Он поднял голову. Увидел пятерых солдат. Выматерился и ткнулся лбом в землю. Прибежавшие на взрыв трое пограничников замерли. Старшина встал и отряхнулся.

– Что тут было? – спросил сержант.

– Камикадзе, видимо, – ответил старшина. – Они уже мертвые, их еще в Японии отпели, и вроде как нет их на этом свете. Я с ними на Халхин-Голе встречался, они вообще ничего не боятся, погибнуть для них – честь великая. По американцам летчики-камикадзе молотят. Направит самолет на корабль, и привет – живая бомба. Ведь предупреждал, чтоб, если лежит, сначала по нему очередь, а уж потом подходи. Эх, салаги! Я и с этими воевал, и с сорок второго до Варшавы дошел. Сейчас вот с вами тут... – Старшина вздохнул. – А там-то кто? – спросил он, услышав усиливавшуюся перестрелку.

– Лагерная охрана, – ответил солдат, – с ними трое из управления НКВД.

– Молодец капитан, – улыбнулся старшина. – Все-таки подошло подкрепление. За мной! – скомандовал он.

– А с этими как? – нерешительно спросил смуглый солдат.

– С ними потом разберемся. За мной!

Коренастый японец упал лицом вниз. Плотный высокий европеец в камуфляжном комбинезоне, дав короткую очередь из автомата, метнулся в сторону. Увидел двоих пограничников и полоснул по ним длинной очередью. Пограничники упали. Слева затрещали ветки. Он повернулся и нажал на курок.

– Руки вверх! – Из кустов выскочили двое солдат. Падая, диверсант бросил нож. Один солдат упал, второй выпустил длинную очередь. Одна пуля вспорола бедро метнувшегося в сторону диверсанта. В воздухе блеснул второй нож. Лезвие воткнулось в горло солдата. Слева и справа слышались выстрелы. Диверсант заменил магазин. Он прислушался и замер. Кто-то снизу бежал в его сторону. Он провел ладонью по ране и поморщился. Впереди грохнул взрыв, потом еще один. Диверсант попытался отползти за куст стланика, но рухнул вниз.

– Капитана убили! – испуганно прокричал раненный в плечо сержант-пограничник. – Взрывом его достало!

– Отставить! – рывкнул капитан НКВД. – Там другие есть. Достать их и бить на поражение.

– А они не сдаются, – усмехнулся старшина. – Вот капитана жаль, нормальный мужик был.

– Его узнать только по погонам и можно, – проговорил старший лейтенант НКВД.

– Уже восемь трупов, – доложил сержант-пограничник. – Трое еще пытаются уйти. Они скорее всего в сторону Камчатки шли, когда поняли, что им на хвост сели.

– Надо было хотя бы одного живым взять, – покачал головой капитан НКВД. – Да ведь смертники они, камикадзе хреновы.

– Камикадзе, – поправил его старшина.

– А я что говорю? – недовольно посмотрел на него капитан.

– Кажется, там тоже затихло, – сказал сержант, – не стреляют.

– И что теперь? – усмехнулся, вытирая грязь с лица, старший лейтенант НКВД. – С ножом против трех автоматов и пистолета?..

Трое пограничников держали под прицелом коренастого японца с ножом в забинтованной руке. Вдруг японец метнул нож и прыгнул вперед. Его встретили три автоматные очереди.

– Паскуда! – Офицер НКВД выронил пистолет и схватился за резаную рану на плече.

Диверсант в яме затаил дыхание. Сверху был слышен мат, простучала автоматная очередь. Он негромко вздохнул. И услышал шорох. Мягко щелкнул фонарик, и узкий луч высветился метрах в двух от диверсанта в расширенном каменном своде. Диверсант выхватил нож.

– Замри или умрешь, – услышал он и увидел направленный на него револьвер.

– Ты кто? – сипло спросил диверсант.

– Не важно. Как я понимаю, мы с тобой невольные союзники. Хотя ты, кажется, враг. На японцев, значит, работаешь? – усмехнулся Мирославский.

– Нет, – ответил диверсант. – Я просто хотел попасть в Россию. Я русский и расплачиваюсь за свое...

– Посвети на лицо.

– Зачем?

– Дубов? – спросил Мирославский.

– Да.

– А вы кто?

– Не узнал? Помнишь Париж тридцать девятого? Тсс, – тут же прошептал Мирославский. Дубов погасил фонарик.

– ...Трупы бросьте в шурфы, – послышался чей-то приказ. – Раненых несите к реке, оттуда нас заберут. Торопитесь, скоро дождь будет!

Мирославский и Дубов молчали.

Хлынул проливной дождь, начал усиливаться ветер. Капли хлестали по лицу лежащего в ручье мужчины в японском комбинезоне.

– Помогите! – простонал он. Попробовал встать и потерял сознание, но быстро пришел в себя. Ухватившись за торчащий корень, он начал подтягиваться к земле. С трудом, теряя сознание, выбрался на пологий берег. Полежав пару минут, снова стал продвигаться вверх по склону пологой сопки.

– Значит, ты в Америке был, – сказал Дубов. – А чего ж там не остался?

– Да есть причина, – вздохнул Мирославский. – Мама сейчас, наверное, вернулась в Россию.

– Не понимаю я тебя. Твоего отца расстреляли в тридцать седьмом, вы в эмиграции знали об этом, а ты воевал за коммунистов.

– Не за коммунистов, за Россию. Дед говорил моему отцу: служи России. Власть меняться может, а Родина одна. А ты как оказался в диверсантах?

– Хотелось попасть на Родину, вот и согласился стать проводником. Сказал, что не раз бывал в Магаданской области. Я и подал сигнал пограничникам. А сам ни разу не выстрелил... – Дубов вздохнул.

– Надо выбираться из этих лабиринтов. – Евгений посмотрел вверх на закрытый ветками вход в яму. – Дождь. Земля промокнет, и не сможем выбраться.

– Верно. А вдруг там пограничники? Они нас сразу кончат, а не хотелось бы.

– Рано или поздно придется объясняться с органами безопасности. Но я не смогу оказаться в плену у своих. Ведь я за них воевал, я русский. Поэтому, наверное, просто застрелюсь.

– Невольно напрашивается вопрос: почему вы вдруг вернулись в СССР, если уже поняли, что...

– Ты был прав... – Дубов увернулся от рухнувшей сверху земли.

– Быстрее, – заторопился Евгений. – Давай я тебя подсажу, а ты вытащишь меня.

– Лучше туда. – Дубов полез в узкий проход. – Лаз наверх идет, и свет видно.

Магадан

– Они двигались с Камчатского полуострова, – сообщил полковник НКВД. – Высадили группу здесь. – Он указкой ткнул в точку на карте. – Там их ждал проводник. Его удалось взять живым. С японцами были двое русских. Среди убитых оказался европеец. Его труп вынесли, думая, что это Стрижов. Но это не так. Есть мнение, что он подкуплен японцами. К сожалению, подобные случаи были, так что...

– Не порите чепухи! – Резко откликнулся полковник-пограничник. – Я со Стрижовым...

– Куда же тогда капитан делся? – перебил его мужчина в штатском. – Ведь все тщательно проверили. Получается, что диверсант сумел убить Стрижова, переодеться и неожиданно попал под осколки...

– Выходит, так, – буркнул пограничник. – Но чтобы Стрижов...

– У группы преследования не было времени все тщательно осмотреть, – вмешался седой мужчина, – стихия не позволила. Сильный ливень и ветер. Хорошо еще, приняли правильное решение и успели увести группу. Трупы диверсантов пришлось оставить там.

– Надо искать Стрижова, – сказал генерал НКВД. – Вполне вероятно, его захватили диверсанты. Численность группы неизвестна? – спросил он у пограничника.

– К сожалению, нет. Но в то, что кому-то удалось уйти, я не верю. От Кедона, где был убит проводник диверсантов, их стали преследовать трое пограничников. Двое были убиты, третий ранен. Оленеводы привезли его в погранотряд, и он сообщил о диверсантах. А тут еще самолет...

– А второй парашютист так и не обнаружен? – спросил генерал.

– Поиск продолжается, – ответил полковник.

– Надо найти, – твердо произнес полковник НКВД.

– Вы, Бурсинов, может, сядете на мое место? – недовольно посмотрел на него генерал. – Я ценю в людях рвение и на службе, и в жизни, но не до такой степени.

– Разрешите, Семен Павлович? – проговорил седой. – Если кто-то из диверсантов сумел раздеть Стрижова, значит, он...

– В группе японцев были двое русских, – напомнил пограничник, – так сообщил раненый солдат.

– А среди убитых диверсантов нет, значит, ни одного, – сказал генерал. – Выслать туда группу, – приказал он полковнику своего ведомства. – Мне нужен четкий ответ, где те двое.

– Один убит, – сообщил седой. – Самое главное – второй парашютист.

Магаданская область

– Ну и льет, – прижимаясь спиной к мшистому валуну, пробормотал Дубов.

– А я соскучился по русским дождям, снегам и вообще по мирной России, – вздохнул Евгений. – Когда летал, было не до природных красот. А дождь вообще порой фашистским пособием считали, – засмеялся он. – Может, отец мой где-то здесь был?

– Колыму осваивают политзаключенные и уголовники. Интересно, их вместе держат или...

– До войны держали вместе, точно знаю. Коммунисты заявляли, что в стране нет политзаключенных. Хотя статьи есть.

– Уходить надо, – вздохнул Дубов. – Снова могут прислать солдат. Наверняка знают, сколько было диверсантов. К тому же тебя ищут, но собаки сейчас след не возьмут. Давай выбираться.

– Полезли. – Евгений стал протискиваться в узкий лаз.

– Тут человек! – по-чукотски крикнул склонившийся над кустарниками подросток с винтовкой.

– Иду, – послышался мужской голос.

– Сейчас бы полжизни отдал за крышу над головой и чашку горячего чая с вином, – ежась, пробормотал Дубов.

– Слушай, – прошептал Евгений.

Дубов различил вдалеке голоса.

– Не японцы, – прошептал он.

– Чукчи скорее всего.

– Для нас это опасно, они помогают пограничникам разыскивать нарушителей границы и ловить сбежавших заключенных. Вполне возможно, эти чукчи разыскивают нас.

– Никак шпион, – пробормотал пожилой чукча. – Однако надо пограничникам сообщить. Ты иди, Семка, а я тут побуду, за этим шпионом присмотрю...

Из кустов сверху на них прыгнули двое. Старик почувствовал острие ножа, приставленное к горлу.

– Семка, молчи, – по-чукотски прохрипел он.

Еще один человек с автоматом раздвинул кусты.

– Наш, – сказал он по-японски. – Что делать?

– Пусть его эти дикари тащат, – проговорил подошедший. – Что с ним? – Он присел у лежащего без сознания русского в камуфляжном комбинезоне. – Кто он? Морда в крови и грязи, не узнать. Да какая разница?.. Все выясним потом. Берите его!

Двое подняли раненого и пошли за старшим. Третий с автоматом наготове, озираясь, последовал за ними.

– Ты что делаешь? – прохрипел Мирославский. Дубов ударил его кулаком в висок и схватил за горло.

– Сюда! – закричал он. – Я Седьмой!

Диверсанты бросились на землю и направили автоматы в их сторону.

– Это ты, Роман? – спросил старший.

– Я, – сипло ответил Дубов и вскочил.

– Помогите ему, – приказал старший.

Двое бросились на голос. Ударили револьверные выстрелы, они упали. Старший, получив пулю в плечо, тоже упал. Прикрывающий группу диверсант выпустил длинную очередь. Присевший у раненого диверсант приготовился стрелять, но тот впился ему зубами в икру. Диверсант ударил его ребром ладони по шее и, дернувшись, упал. Раненый, уткнувшись лицом в мокрую траву, лежал неподвижно.

– Что тут у вас? – подбежали двое в комбинезонах. Из кустов дважды выстрелил «кольт».

– Значит, говоришь, в Россию хотел? – Евгений посмотрел на лежащего без сознания Дубова. – А я почти поверил, хотя и знал, что твой отец на японцев работал с девятнадцатого года.

Он нашел в кармане Дубова моток бечевки и связал ему руки и ноги. Потом направился к троим лежащим. Обыскав, сложил в рюкзак убитого продуктовые пакеты и запасные патроны. Карты и какие-то листы с иероглифами сунул в карман рюкзака.

– Ну и что? – Он подошел к раненому.

– Я капитан... пограничник Стрижов, – простонал тот.

– Один тоже в Россию вернулся, – усмехнулся Мирославский и стал связывать ему руки. В стороне дважды выстрелил пистолет.

– Спасите! – раздался отчаянный крик. Мирославский бросился на голос. Снова выстрелил пистолет. Подбежав, он увидел двоих, пытающихся удержать человека в комбинезоне с пистолетом в руке, и ударил его по голове рукояткой револьвера.

– Кто вы? – спросил он.

– Охотники, – простонал пожилой чукча. – С внуком на охоте был.

– Этот один был?

– Двое или трое туда побежали.

– Связать его сможете?

– Сможем, – ответил подросток.

– В пятом квадрате у Седой сопки перестрелка, – докладывал по рации старший сержант-пограничник. – Направляемся туда.

– Там снова пальба, – пробурчал старший лейтенант НКВД. – Нужно отходить назад! И погода против нас! – Он плюнул.

Анадырь

– Пойдете под трибунал! – закричал стоявший у окна генерал НКВД. – Самолет пересек границу, двое выпрыгнули с парашютами! Один застрелился! А где второй?! И японская группа прошла! Целый отряд! Куда твои матросики смотрели?! – зло спросил он у капитана первого ранга. – Москве что говорить будешь?! А твои орелики, значит, не умеют ночью летать? – Он ожег взглядом полковника ВВС.

– Они американцев встречали, – виновато ответил тот. – А самолет пролетел низко, его заметили очень поздно...

– Сами будете объяснять это комиссии из Москвы. Что еще?! – гневно спросил генерал у приоткрывшего дверь подполковника.

– В пятом квадрате перестрелка.

– Свяжитесь с третьей заставой, – приказал генерал.

Россия, Седая сопка

– Да, – покачал головой энкавэдэшник, – ни хрена себе!.. Значит, эти шли следом и в бой не ввязались. Нагорит нам, – сказал он старшине-пограничнику. – Ведь ушли бы они. Кто же их положил?

– Да это чукчи, – ответил подошедший сержант НКВД, – дед и внук. И с ними один диверсант.

– Чукчи, – сотрудник НКВД усмехнулся, – орлы оленеводы.

– Они охотники, – поправил его сержант.

– Ну ладно, – вздохнул старлей. – Пошли к ним.

– Товарищ старшина, – раздалось из кустов, – здесь ваш капитан! Правда...

– Где? – Старшина бросился на голос. За ним побежал и старший лейтенант.

– Тут русский был, – сказал старый чукча, – он нам помог. И там он стрелял.

– Русский? – удивился старшина. – Где он есть-то?

– За водой ушел к ручью, – ответил внук. – Да вон он! – чукча указал на подходившего Мирославского.

– Руки вверх! – Старший сержант вскинул ППШ.

– Охолонь, Гулин, – спокойно проговорил старшина. – Ты кто есть, мил человек?

– Держите воду. – Евгений протянул фляжку чукчам. – Я Мирославский Евгений Иванович, бежал с Аляски.

– Опачки! – Старшина встал. – Это вы на самолете перелетели? Лихие вы, однако, мужички! – Он сильно ударил Евгения в лицо и прижал ствол к его груди. – Была бы моя воля, я бы таких на месте кончал по законам военного времени! – Он плюнул в лицо Мирославскому.

– Да ты что делаешь? – возмутился старик. – Он же спас нас, и капитан там ваш, раненый, Сергей Николаевич.

– Понятно! – Старшина пнул Евгения. – Зови старлея, – приказал он солдату, – пусть сюда идет.

– Мужик какой-то вмешался, – простонал лежавший на плащ-палатке капитан. Старший сержант-пограничник перевязывал ему голову. – Если бы не он, ушли бы они. Там еще один лежит. Не знаю как, но они вместе были. Тот и кричал диверсантам, называл себя как-то, – вздохнув, он поморщился.

– Смиловивился Боженька! – Старшина посмотрел на светлеющее небо. – А как же вы так попали, Сергей Николаевич?

– Со мной Тимин был и Тупанов. А тут лимонку кто-то бросил, нас и свалило. Очнулся, меня кто-то раздевает. Я шевельнулся и снова сознание потерял. Пришел в себя, когда меня кто-то тащил.

– Странно это, – пробормотал старлей.

– А чего странного-то? – покосился на него старшина. – Хотел кто-то уйти под капитана. Морду бы себе кровью вымазал, и все.

– Там еще один, – доложил старлею сержант, – и два чукчи.

– А кто такой еще один? – спросил старший лейтенант.

– Да вроде как он чукчей спас.

– Да, – промычал Стрижов, – меня тоже спас какой-то...

– Он парашютист, – перебил сержант.

– Опачки! – Старший лейтенант засмеялся. – Пошли посмотрим на героя.

– Иди с ним, – простонал капитан, – он может...

– Понятно! – Старшина поднялся. – Несите его к группе, – приказал он солдатам и пошел за старшим лейтенантом.

– Тут связанный, товарищ старший лейтенант, – остановил его солдат-пограничник. – В ногу ранен, и видно, что из...

– Пошли. – Шагнув вперед, старший лейтенант остановился. – Вот что, – сказал он солдату его ведомства, – дуйте к Веселенко и ведите всех сюда. И чукчей, и героя этого.

– Мирославский? – с улыбкой пробормотал старшина. – Фамилия дворянская. Из семейства белых недобитков, наверное. Все неймется вам, сволочи. Неужели надеетесь, что все назад вернуть сумеете? – Он смачно плюнул Евгению в лицо. – Наверное, с власовцами был, сволочь! – Он ударил Евгения в живот. Чукчи переглянулись.

– Товарищ старшина, – подошли двое солдат, – старший лейтенант Ермаков приказал доставить к нему всех.

– Приказал – значит, доставим, – ответил старшина.

– Я хотел вернуться в Россию, – со стоном проговорил Дубов, – поэтому согласился вести группу. Сказал, что бывал в этих местах. Мне поверили и...

– Кто тебя связал? – перебил его старший лейтенант.

– Парашютист. Мы ведь шли за ними. Они работают на японскую разведку.

– Смотри, сука, если врешь!.. – Старший лейтенант поднес к его носу ствол ТТ.

– Товарищ старший лейтенант, – слышался голос, – привели чукчей и того парашютиста.

– Это он! – Дубов выразительно посмотрел в сторону связанного Мирославского, которого подтащили двое солдат. – Мы должны были встретить его и помочь переправить...

– Ты ничтожество! – Евгений улыбнулся разбитыми губами.

Старший лейтенант взглянул на него и повернулся к Дубову.

– Ты знаешь его? – спросил он у Мирославского. Тот молчал. Старший лейтенант сильно ударил его между ног. Евгений упал. – Отвечать надо, – усмехнулся старлей. – И правду говорить. Ты его знаешь?

– Он разведчик и послан японским генералом, – забормотал Дубов. – А группа наша должна была...

– Тебя не спрашивают! – Оборвал его старший лейтенант. – Ну что? – Он за волосы повернул лицом к себе голову Евгения. – Говорить будешь или еще хочешь?

– Товарищ старший лейтенант! – остановил его капитан, которого в этот момент внесли солдаты. – Что вы делаете? Он спас мне жизнь и уничтожил...

– С вами тоже разберутся! – пообещал тот. – Как это вдруг диверсант оказался в твоей форме, а ты в его комбинезоне? И спас тебя шпион. Помолчи пока, тебе еще придется ой как много говорить!

– Что вы себе позволяете, старлей? – Капитан приподнялся на локтях.

– Ладно, выносите их к реке. И вызывай вездеход, – приказал радисту старший лейтенант.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к нему старшина-пограничник, – все-таки не стоит уподобляться фашистам.

– Ты думай, Иванов, прежде чем говорить, – старший лейтенант шагнул к нему, – а то ведь и...

– А ты меня не пугай, – ответил старшина. – Я войну с сорок первого прошел. И таких, как ты, нагляделся, с пулеметами за солдатами сидели. Я присягу давал, не нарушал ее и другим не советую. Пугать меня не надо, пуганный не раз. И фашисты пугали, и бандеровцы. Да и здесь уже полгода не единожды видел всяких. Капитан же говорит, что этот, – он кивнул на

Мирославского, – спас его. И чукчей тоже. А этого, – старшина посмотрел на Дубова, – отдай моим, они его сразу кончат. Он двоих наших убил.

– Хватит, старшина. Такие, как он, – старший лейтенант посмотрел на Мирославского, – отца моего убили два года назад.

Магаданская область

– Лихо он его! – усмехнулся старший лейтенант НКВД. – Руки скованы сзади, и нате вам, номер – двоих солдат ногами уложил и старшину, падая, ударил ногой в горло. Кто он такой?

– Он не сообщил, – ответил мужчина в военной форме без знаков различия. – Диверсант из японской группы, белогвардейский сынок утверждает, что это сын генерала Мирославского. Вообще-то в тридцать седьмом выяснилось, что он и его старший сын предатели. Ну и в лагерь поехали. А жена его с младшим сыном еще в гражданскую во Францию уехала.

– Я уже говорил, – вздохнул Дубов, – нашу группу должны были встретить Мирославский с напарником и капитан-пограничник. Пограничник собирался поменяться одеждой с одним из наших и уйти, предварительно получив признаки якобы ранения. Я надеюсь, моя помощь будет учтена? – Он посмотрел на майора НКВД и перевел взгляд на сидящего в кресле мужчину в круглых очках. – Я не совершил ничего, чтобы хоть как-то могло навредить России...

– Уведите, – распорядился мужчина в штатском.

– Ну что, Стрижов, – усмехнулся полковник НКВД, – видел, что с твоим приятелем сделали? И тебя это ждет, гнида. Напаскудил, так имей мужество призываться. А то ведь Дубов всю правду-матку выложил, снял груз с души. И чукчи-охотники признались, что были проводниками парашютистов.

– Крыса ты штабная, – простонал капитан, лежа на полу со связанными руками. – Я четыре года воевал, а ты, сука...

– Молчи! – Полковник пнул его в живот. – Я лично тебя шлепну, фронтовик!

– Да, фронтовик, – прохрипел капитан, – а тебе даже с пулеметом за штрафниками сидеть не доверили.

– Ты ничего не знаешь, – тихо сказал внуку старый чукча, – вообще ничего. Я тебя позвал на охоту, так и говори. И запомни фамилию: Дубов. Этот подлец хороших людей за собой тянет.

– Так, – проговорил полковник НКВД, – нужно узнать о нем все. Подготовлен он отлично. Был в фашистском концлагере. Что-то не верится мне, что они с Аляски перелетели, чтобы японских диверсантов встретить, хотя эта версия всех устраивает.

– А что с чукчами делать? – спросил коренастый капитан.

– Младшего отпустите, ну а старший признался. Это тоже очень удобно объясняет, почему так долго не могли на след второго парашютиста выйти... – Полковник выругался.

– Значит, коммунисты решили вступить в войну с Японией. Железнодорожник и инвалид должны умереть. И чем быстрее, тем лучше.

Венесуэла, Мерида

– Все пропало! – раздраженно воскликнул Генрих, невысокий лысый пожилой мужчина. – Этот Краузе, черт бы его подрал, ничего не смог выяснить, барон просто ушел от него. Видимо, решил не делиться. Где он сейчас? – Генрих бросил взгляд на карту мира. – Возможно,

погиб. Мы ничего о нем не знаем. Он сумел вырваться из Берлина в апреле со своим верным оруженосцем Фридрихом Штольцем. У него не хватало одной части. В этом есть и наша вина, – повернулся он к полному седому собеседнику, – мы ведь ему не поверили...

– Генрих, – сказал тот, – согласись, что об этом говорилось быстро и в неподходящей обстановке. Русские были уже под Берлином. А мы надеялась на то, что американцы первыми войдут в Берлин.

– Вы правы, Отто, – вздохнул Генрих. – Надеюсь, вы помните свою реакцию на слова Краузе? Этот головорез читать толком не умел, но вдруг делает сенсационное заявление...

– Он просто услышал об этом от барона, когда тот пытался договориться с американцами в сорок четвертом. Барон встречался с ними в Мексике. Но переговоры ни к чему не привели.

– Извините, генерал, – сказал седой, – наши ни с кем не пытались договариваться. Конечно, многие, и я в том числе, предпочитали попасть к американцам, но...

– В этом будет разбираться история, – мягко вмешался загорелый подтянутый мужчина. – Сейчас меня интересует, где находится барон. У него ниточка к сокровищам.

– А как мы это выясним? – вздохнул Генрих. – Господа, вы ведь помните, что мы уже пытались сделать это. В апреле он неожиданно исчез, а неделей раньше пропали его жена и сын. Нам удалось вырваться. Правда, почти все, кто был со мной, погибли. Я сумел добраться до американцев. Сначала обращались со мной грубо. Особенно по-скотски вел себя сержант-негр. Я всегда думал, что положение негров в США напоминает рабство.

– Следовало лучше изучать противника, – заметил Отто. – Мне кажется, теперь мы ничего не сумеем найти. Но у барона есть сын, и у нас тоже имеются семьи. Будем надеяться, господа, что мы оставим своим потомкам это в наследство. Я не уверен, что тысячелетний рейх возродится, и скорее всего стоит перед нашими наследниками нелегкая задача. Но если не они, то наши внуки сумеют это найти.

Мексика, Акапулько

– Значит, о Мирославском ничего не известно, – недовольно проговорил оберштурмбан-фюрер. – Это точно? – Он пристально посмотрел на Фридриха.

– Абсолютно точно, барон. Вы можете поговорить с Максом, он был там.

– Я уже говорил с ним. Ну что ж, выходит, судьба распорядилась так, что все это должно остаться потомству. И дай Бог, чтоб им удалось то, что не получилось у меня. – «Сам виноват», – подумал барон. – К сожалению, мой сын еще мал, а я не доживу до того дня, когда он сможет все понять. И остается надеяться на тебя. – Он уставился немигающим взглядом на Фридриха. – Если обманешь... – Он закашлялся. – Ты веришь в рай и ад?

– Да, генерал, – ответил Фридрих.

– В рай никто из нас не попадет. А вот в аду я тебя устрою в самое неприятное место. Я сумею договориться с Вельзевулом.

– Я сделаю все, что положено.

– На сей раз я не приказываю, а прошу. Опасайся генерала Штайна и полковника Мольтке. Они знают почти все и, я уверен, постараются найти мою семью и тебя тоже.

– Извините, барон, – вмешался до того молчавший лысый мужчина, – я не думаю, что теперь это возможно. Сейчас везде разыскивают так называемых военных преступников. Советский Союз со дня на день вступит в войну с Японией. Поэтому несколько лет высываться из своих нор небезопасно. К тому же я уверен, что вы поверили в легенду и гоняетесь за призраком.

– Гарри, – спросил барон, – неужели я похож на мечтателя и фантазера? Когда я узнал о существовании...

– Барон, – ответил американец, – давайте оставим эту тему. У нас имеется множество других насущных вопросов. Союз в одиночку выиграл войну. И сейчас главное – не допустить распространения по Европе коммунистической заразы. Союз вот-вот объявит войну Японии не столько в силу союзнических обязательств, а сколько из-за того, чтобы покончить с угрозой на Востоке и дать свободу Китаю и Корее. И здесь нам требуется ваша помощь. У вас ведь прекрасная агентура.

– Хорошо, – сказал барон, – давайте работать.

США, Уэйлс

Трижды прогремели револьверные выстрелы. Дюпелъе криво улыбнулся и глотнул из горлышка виски. В комнату вбежал мускулистый мулат с пистолетом в руке. Увидел три трупа и взглянул на француза:

– Ты что, Жак, головой тронулся или...

– Они пытаются найти семью Мирославского. А я не могу этого допустить. Он дважды меня спасал. Постарайся понять, Боб.

– Да тут и понимать особенно нечего, – усмехнулся мулат. – Но мне что-то странно, неужели из-за того...

– Именно из-за этого. Если Евгений жив, он в лагере. Хотя он не раз говорил, что не станет пленным на родине. Впрочем, жив он или мертв, допустить, чтобы его семье угрожала опасность, я не могу. А ты знаешь, на что способны эти... – Жак снова отпил из бутылки.

Мексика, Акапулько

– Мой маленький герой, – с улыбкой произнес фон Бергер, – надеюсь, у тебя все получится. Я верю, что великая Германия возродится. Надеюсь на вас, подрастающее поколение! – Он коснулся губами лба лежащего в коляске малыша. – Мой старший сын погиб, а тебя, Генрих, нам послал Господь. Ты сохранишь традиции рода фон Бергеров. – Стоявший у двери Штольц усмехнулся. Словно почувствовав его усмешку, барон обернулся и пристально посмотрел на него. – Надеюсь, ты доживешь до того, когда Густав сможет понять мое послание. И не пытайся обмануть меня...

«К сожалению, судьбе угодно, чтобы я доверился тебе», – подумал он. – Выбора у меня нет. Мирославский погиб, а с ним исчезло и все, что могло бы дать ответ. Но я верю, что мой сын доведет это дело до конца».

– Господин оберштурмбанфюрер, – послышался мужской голос, – несколько дней назад американцы сбросили на Хиросиму атомную бомбу, а сегодня на Нагасаки. СССР вступил в войну с Японией!

– Самураи, – пробормотал барон, – почему вы не поддержали нас? И Дальний Восток был бы ваш, а мы правили бы Европой... Принесите мне все свежие газеты.

Наши дни. Россия, Москва

– Послушайте, Давид Моисеевич, – сказал худой пожилой мужчина, – я считаю, что вы зря тратите свое время на такую, извините, ерунду.

– А теперь выслушайте меня, уважаемый Яков Лазаревич, – вздохнул полный мужчина примерно того же возраста. – Я, откровенно говоря, и сам, когда узнал об исчезновении капитана ван Бадензе, отнесся к этому спокойно. В сороковых годах пропадало множество кораб-

лей. Но в девяносто седьмом в Лондонской библиотеке я увидел в какой-то газете заметку о судебном процессе над бандой Француза.

– Меня никогда не интересовала криминальная хроника, – улыбнулся Яков Лазаревич. – В нынешней демократической России вполне хватает разговоров и слухов. Поверьте, это довольно печальная статистика по сравнению с тем, что было в этой же стране даже в конце восьмидесятых.

– Кстати, если вы вспомнили Россию, то хотел бы сказать о судебном процессе в Туле над неким Рубакиным, в пятьдесят восьмом. Тогда в России еще публиковались сообщения, если дело касалось и иностранцев, – улыбнулся он. – Рубакин – сын бывшего агента абвера, завербованного...

– Милейший Давид Моисеевич, я не понимаю, в чем вы меня пытаетесь убедить?

– Дело в том, что в обоих случаях упоминается капитан Бадензе. Надеюсь, вам не надо говорить, кто он такой.

– Я никогда не интересовался легендами о несметных сокровищах. Но, зная вашу настойчивость, готов выслушать.

– Благодарю вас.

– Самуэль Бадензе – личность неординарная и противоречивая. Подлинное его имя неизвестно. Он родился в двадцатом году в Италии. В семнадцать лет был осужден за ограбление банка в Мадриде. Позже он примкнул к коммунистам. Но в тридцать девятом с легкостью сдал всех, кого знал, франкистам и стал на них работать. Потом перебрался в Германию. Позже расстрелял какого-то из помощников Мюллера в Польше и начал воевать против фашистов. В сорок третьем году занялся пиратством. Ван Бадензе захватил корабль, перевозивший, как говорят, часть сокровищ пирата Черного Джона, которые кем-то из нацистских главарей были обнаружены в...

– Извините, коллега, – засмеялся Яков Лазаревич, – позволю себе не согласиться с вами. Дело в том, что Бадензе, он же Рафаэль Баркетти, захватил у какого-то индийского авантюриста алмазный глобус, на котором, по преданию, Черный Джон обозначил, где находятся спрятанные им сокровища. Если учесть, что Черный Джон – фигура реальная, то все остальное...

– Позвольте, – воскликнул Давид Моисеевич, – вот оно, недостающее звено! Разобранный на семь частей маленький глобус. Ну и ну! – Он положил на стол журнал и раскрыл на заложенной странице. – Посмотрите. – Яков Лазаревич, нацепив очки, придвинул к себе журнал и увидел цветную фотографию глобуса. – Копия, – сказал ему Давид Моисеевич. – Переверните. – Яков Лазаревич осторожно перевернул страницу. Далее помещалась фотография разделенного на семь равных частей шара.

Он покачал головой, посмотрел на Давида Моисеевича и снял очки.

– Я понимаю вас, коллега, – улыбнулся Давид Моисеевич. – По заказу Черного Джона было изготовлено два таких шарика. Но место указано только на одном. И есть еще что-то, а вот что именно, пока никто не может сказать.

– Странно. Почему шар разделен на семь равных частей? Кто опубликовал эти фотографии и с какой целью?

– Значит, вы все-таки заинтересовались! Все очень просто... Некий Чарлз Доули, вы называете таких людей авантюристами, посвятил жизнь поискам пиратских сокровищ и добился определенных успехов. Но вот подобраться к сокровищам Черного Джона не смог. Ему удалось найти копию глобуса, и он опубликовал короткую заметку. Кстати, коллега, вы наверняка знаете более существенные подробности.

– В юности я увлекался книгами о пиратах... Нет, – отвечая на улыбку Давида Моисеевича, сказал Яков Лазаревич, – я не пытался искать, а только читал многочисленные романы о флибустьерах. К сожалению, в то время доступ к документам был непрост, возможно, это и

к лучшему, иначе я бы вполне мог этим заболеть... – Он засмеялся. – Поэтому я и решился на разговор с вами.

– Чем вызван ваш интерес? Надеюсь, вы не разочаруете меня, сообщив, что решили заняться поиском этих сокровищ?..

– Отчасти – да, – смущенно признался Давид Моисеевич. – Знаете, коллега, подкралась старость, и вдруг захотелось заняться чем-то таким, что позволило бы забыть о своих годах. Я всегда мечтал искать сокровища, – засмеялся он. – Но в то время это было непросто. А когда уехал в Израиль, забыл об этом. Интересная работа, совсем другая жизнь. К сожалению, палестинцы... – Он вздохнул. – Но знаете, Яков Лазаревич, я привык, как ни странно это звучит, и к этому. Моя жена счастлива и нередко вспоминает о прожитых годах. Сын Алон работал в МОССАДе, но после контузии перешел в охранный агентств. Дочь Берта тоже посвятила жизнь армии. А ваши родные довольны жизнью?

– Я всегда был доволен жизнью, но студенческие годы вспоминаю как самые счастливые.

– Да, вы, Эйверман, всегда были оптимистом. А что касается...

– Сейчас приедут наши дамы, – сказал Яков Лазаревич, – а о том, что вас интересует, поговорим завтра.

– Вы правы. А где ваш Валентин? Дочь, я знаю, в США. Она уже замужем?

– Я бы этого очень хотел, – вздохнул Яков Лазаревич, – но, увы, сейчас дети сами выбирают свою дорогу. Валентин – коммерсант, Анжелика – переводчица, работает в ювелирной фирме. Наверное, раньше я был бы доволен этим, но не сейчас. В фирме «Алмазная россыпь», где работает Анжелика, убили двух человек.

– Валентин сегодня придет? – спросил Давид Моисеевич.

– Обещал, – пожал плечами Эйверман.

– Да ничего не выйдет, – сказала плотная симпатичная женщина. – Цены за золото снова выросли.

– А если взять у Толкальщика? – спросил невысокий худой бородач.

– Рискованно, – помолчав, ответила она. – Нас и так постоянно проверяют товарищи из ФСБ. Дать взятку – бесполезно да и опасно.

– Но вы даже не пробовали, Зинаида Петровна.

– Побойтесь Бога, Игорь Антонович, подобные штуки – ваше дело! – Женщина засмеялась.

– Не вижу ничего смешного, – процедил рослый мужчина со шрамом на лбу. – Я предлагал и повторяю – надо закрывать дело, раскидать имеющуюся наличность на всех и разойтись. Иначе мы здорово влипнем...

– Я такого же мнения, – согласилась Зинаида.

– Я тоже, – кивнул Игорь.

– Да вроде все идет как надо, – сказал по телефону смуглый лысый мужчина. – По крайней мере все так, как говорил...

– Хорошо, – перебил его абонент. – И вот что, не нужно пытаться воевать в Москве.

– Понял.

– Ты всегда умел здраво мыслить, Абдулла, – послышался смешок.

– Подожди, дед, – сказал мускулистый парень. – Почему Катя не может навестить те места? Там, кстати...

– Молчи, Женя, – остановил его пожилой мужчина. – Что ты знаешь о тех местах? Там никогда не было закона. Ну, был, конечно, но раньше. Там же золото. Представляю, что теперь там творится. Государство золото почти не добывает, отдало добычу на откуп старательским

артелям. А где частник, там воровство и прочие способы положить прибыль себе в карман. И другими способами там добывают золото – пулю в лоб или нож в спину. Что там может делать барышня вроде нашей Катюши? Ну да, она опытный геолог, и спортом занималась, и не трусиха, но молодой девушке там не место. Ведь она...

– Хватит, Иван Евгеньевич, – вмешалась миловидная женщина, – я и так ночами не сплю. Как узнала, что Катя... – Вздохнув, она отвернулась.

– Оля, – подошел к ней мужчина лет пятидесяти, – перестань. Катя звонила вчера и сказала, что все идет хорошо. Она же не одна там, их целая группа. Кроме того, с ней Вадим.

– Вот как раз это и настораживает, – усмехнулся Евгений. – Вроде Вадим супермен, но из-за Вадима все беды, он конфликтный человек, но осторожный – начнет скандал и сразу отходит в сторону, а потом...

– Брось, Женька! – строго прервал его отец. – Мама и так извелась. Но ты же, Оля, сама говорила о том, что...

– Но я просто говорила, – перебила жена, – ведь даже мысли не было, что Катя пойдет искать...

– А я вообще не понимаю, почему вы так разволновались, – усмехнулся плотный бородатый мужчина. – Катя не ребенок и умеет сама принимать решения. Что касается Вадима, мне он никогда не нравился. А Катя сумеет постоять за себя в любой ситуации.

– Верно, – нехотя согласился дед. – Но беспокойство все-таки имеется. Городская она девчонка.

– Ничего себе девчонка! – засмеялся Женя. – Через три месяца ей тридцать исполнится.

– А ты чего вдруг явился? – обратился к бородачу дед. – Вот он я, принимайте, люди добрые.

– Разговор у меня к вам есть, командир.

– Это срочно?

– Да не очень...

Вашингтон

– Подожди, – обратился бритоголовый верзила к мускулистому блондину, – почему ты решил, что за этим стоят большие деньги?

– Старый пес, мой дядя, сказал, что нужно найти какую-то часть от шарика. Подробностей я не знаю, но где можно это выяснить, он объяснил.

– Подробнее, Вилли.

– Я понял, что есть план, как найти какую-то штуку, которая укажет, где много денег. Точнее, драгоценностей.

– Ты или говори толком, или вообще замолчи. У меня сейчас нет настроения для пустых разговоров.

– Ну так слушай. – Вилли сел в кресло и достал из бара бутылку пива. – У меня есть дядя. Точнее, был, он умер. Но перед смертью кое-что мне рассказал. Дело, Блойд, вот в чем...

Мексика, Акапулько

– Что скажешь, Густав? – хрипловато спросил лежащий на кровати худой пожилой мужчина.

– Да ничего существенного, – ответил длинноволосый атлет. – Моим друзьям не удалось узнать о русском графе. Единственное, что выяснили: его жена Лариса погибла в автокатастрофе, а ее маленького сына отдали в детский дом. Мальчика найти не удалось. Говорят, он погиб. Но это не точно. И, я думаю, нет смысла его искать. В конце концов, судя по всему,

тот русский граф, который, как ты говоришь, в сорок пятом году сумел захватить самолет на Аляске, погиб. И вообще, отец, я не понимаю, зачем это нужно... А вот мне звонил мой друг из Лондона и сообщил любопытную новость: в частном музее выставлен шарик величиной с грейпфрут, состоящий из семи равных частей. Какой-то английский географ нашел его в Индии. И якобы точно такой же шарик был у знаменитого пирата восемнадцатого века Черного Джона. Как тебе эта новость?

– Я узнал об этом десять лет назад, – тихо заговорил старик, – в бумагах отца обнаружили архив. Отец умер, когда мне было восемь лет. Меня воспитывал его адъютант Фридрих, который опекал не столько меня, сколько маму. – Его бледные губы на мгновение искривила усмешка. – Она была значительно моложе папы. Кое-кто даже говорил, что я родился не от отца, а от Фридриха Штольца. Но я точно знаю, что мой отец – барон фон Бергер. Мама пыталась что-то сообщить мне перед смертью. Она умирала долго и мучительно, я из ее слов почти ничего не понял. Фридрих после гибели мамы хотел завладеть нашим имуществом, но мне было уже двадцать, и я послал его к чертям. Он, кстати, был женат на какой-то мексиканке, и у него был сын. Его зовут Карлом. Законченный негодяй, даже пытался со мной судиться. – Больной вздохнул и поморщился.

– Прими лекарство, отец, – забеспокоился сын.

– Густав, – произнес отец слабым голосом, – все, что я знаю, ты найдешь в сейфе. Там и мой дневник, и дневник... – Он захрипел.

– Булиз! – закричал Густав. – Лекарство!

Лондон

Двое молодых мужчин в темных очках внимательно рассматривая каждый экспонат, ходили по музею.

– Что вы скажете, Стивенс? – остановившись перед витриной, в которой лежал небольшой шар, спросил смуглый худощавый мужчина. – Даже не верится, что это изготовлено в начале семнадцатого века.

– Дорогой Уррен, – улыбнулся второй, – вы же знаете, какие прекрасные вещи делали мастера минувших веков. Скажите, – обратился он к охраннику, – эти экспонаты продаются?

– Нет, – раздался женский голос, и они повернулись. – Выставка-продажа в соседнем зале, – улыбнулась им миловидная брюнетка.

– Это уникальный экземпляр? – спросил крепкий лысый мужчина.

– Конечно, – ответила женщина. – Индийский мастер по заказу знаменитого пирата по прозвищу Черный Джон изготовил два таких глобуса.

– Мы можем получить более подробную информацию? Дело в том, что мы с профессором Уорреном решили заняться историей пиратства.

– Хорошо, – согласилась женщина. – Я могу сейчас все вам показать...

– Если можно, давайте встретимся вечером, – улыбнулся Стивенс.

– Думаю, это бесполезно, – сказал седой мужчина.

– Почему же? – усмехнулась молодая женщина. – Ведь это двойник глобуса, заказанного пиратом.

– И что дальше? Неужели ты думаешь, Жаклин, что Черный Джон сделал копию ключа к своим сокровищам? Я вообще сомневаюсь, что есть что-то, указывающее, где находятся сокровища. Зачем ему это надо было?

– Появление копии можно объяснить.

– Как? Ты всерьез занялась поисками или это очередное кратковременное увлечение?

– На этот раз все вполне серьезно. Прежде чем заняться этим, я поняла...

– А как ты вообще узнала об этом? Я думал, тебя интересуют только объявления в журнале «Солдат удачи». Кстати, много ли сейчас женщин-наемниц?

– Хватает. А почему тебя это интересует?

– Я думал, моя сестра единственная. Ты с детства не была обыкновенной девчонкой. Карате занималась, стрельбой, а в восемнадцать уехала воевать.

– Я в папу, – усмехнулась Жаклин.

– Точнее уж в деда, – рассмеялся брат. – Он начал войну в тридцать седьмом, когда ему было всего восемнадцать. И женился он рано, а потом влюбился в нашу бабушку, и родился отец.

– Хватит, Анри. Скорее всего придется ехать и в Россию, – проговорила Жаклин. – Есть мнение, что ключ к разгадке тайны глобуса был у нашего деда. Надо все узнать о Мирославских, наших родственниках в России. Я давно хотела там побывать.

– Но ты была в России, – насмешливо напомнил брат. – Чечня – республика в составе России.

– Чечня – это Ичкерия, – вздохнула Жаклин.

– И тем не менее это часть России. А вдруг кто-то из наших родственников воевал за Россию в Ичкерии? Представляю ваш разговор...

– Знаешь, брат, я порой жалею, что откровенна с тобой. Я думала, ты мужчина.

– Не пытайся меня обидеть. А зачем ты послала этих двоих головорезов в музей?

– Ты не прав, они умеют и воевать, и думать. Гарри, например, служил в ФБР.

– Я спросил, зачем ты послала их в музей?

– Узнать о шарике пирата.

– Не думаю, что они обнаружат там что-то новое.

– Но о чем-нибудь все равно узнают. Там работает симпатичная женщина, Дэн или Гарри смогут ее заинтересовать. А главное – они в деле, значит, отнесутся к этому серьезно.

– Зря ты их туда послала. Я уверен – добром это не кончится.

– Все будет хорошо, – с улыбкой возразила Жаклин.

– Может, зря мы влезли в это? – вздохнул Уоррен.

– Ну почему же, – ответил Стивенс. – Согласись, мы ничего не потеряем, а сейчас получили деньги и свободно тратим их, живем в приличном отеле. Такой костюм я, например, давно не носил.

– Пантера – человек серьезный, ерундой заниматься не станет. Меня больше интересует вопрос, кто ее нанял. В то, что она сама занялась этим, я не верю. Ее брат не может быть заказчиком, он трус. А заказчик есть, в этом я уверен. Необходимо узнать, кто он. Ты согласен?

– Конечно. Хотя бы потому, что Пантера легко нас нашла. Значит, кто-то ее навел. Я пробовал выяснить, кто бы это мог быть, но не смог. Так что все пока на Пантере завязано. Хотя я не очень верю в эти пиратские клады. Сколько времени прошло, века, а тут вдруг всплывает какой-то ребус, оставленный пиратом. Найдешь, разгадаешь – и все, ты миллионер. Думаю, чепуха это.

– Но ты принял предложение Пантеры.

– Захотелось получать деньги, не рискуя. А если честно, пусть даже это и ерунда, в детстве я мечтал разыскать клад.

– А я думаю, не ерунда это. Ты же видел шарик. Значит, есть и второй. Вечером все узнаем у Линды. Ну, если не все, – увидев насмешливую улыбку приятеля, Стивенс засмеялся, – то хоть что-то.

– Для тебя, Гарри, это просто очередная юбка! – Уоррен улыбнулся.

– Ты не прав. Линда, конечно, красивая женщина, но ведь она наверняка знает и об этом чертовом пирате. Я сумею ее разговорить.

– В этом я не сомневаюсь! – захохотал Уоррен.

- Желаю приятного свидания, – усмехнулся охранник.
- Благодарю, Фред, – улыбнулась Линда. – Вечер обещает быть славным. Я думаю, эти двое...
- Прекрати! Опять ты за свое. Ну сколько можно, Линда?
- Неужели тебе не надоело зависеть от хозяина? Делать не то, что хочешь, а что прикажет он или его жена. Ты не завидуешь хозяину?
- Завидовал, когда был моложе. Думал, обязательно добьюсь в жизни успеха. Но потом встретил Сьюзен, родилась дочь, потом сын. Я неплохо зарабатываю. К тому же, знаешь, я работал у одного миллионера и понял, что деньги достаются ему нелегко, сутками работает. Конечно, хорошо иметь собственный самолет, парк автомобилей, штат прислуги и охранников. Но все это стоит больших денег, да и нервов тоже.
- Когда стану богатой, а это обязательно произойдет, я поручу ведение всех дел своему поверенному. Я стану богатой. Обязательно!
- Чего тебе не хватает? Получаешь вполне прилично, у тебя хороший дом.
- Тебе этого не понять.
- Мужа тебе надо, тогда все в твоей головке встанет на место. Почему ты не замужем? Женщина ты видная.
- Давай не будем об этом.
- Вот-вот. Наверное, мечтаешь о миллионере?
- Хватит! – раздраженно произнесла Линда и вышла.
- Дура ты, – прошептал он. – И чего тебе не хватает? Но если ты вздумала музей обчистить, я тебя сразу полиции отдам.

- Да, – подтвердил Дэн по телефону, – он ушел на свидание. Можно вопрос, Жаклин?
- Даже если я скажу – нет, ты все равно спросишь.
- На кого ты работаешь? – В ответ послышался смех. Криво улыбнувшись, он отключил телефон.

- Зачем тебе нужно знать о глобусе? – спросила Линда.
- А почему ты спрашиваешь? – усмехнулся Гарри. – Мне кажется, ты сама не прочь узнать подробности.
- Да, за этим глобусом прячется большое состояние. Но где, не знает никто. Я читала в библиотеке Британского музея о Черном Джоне. По не известным никому причинам три его корабля где-то пропали. Понимаешь?
- Нет.
- Поедем ко мне, – сказала Линда.

- Понятно, – просипел, сидя в инвалидном кресле, худой старик. – Значит, еще есть охотнички. А может, и правда желают от нечего делать написать историю Черного Джона. Ты их видел и что скажешь? – спросил он темнокожего мужчину лет тридцати.
- Похоже, они и в самом деле ученые, – неуверенно ответил тот.
- Это плохо. Если притворялись, значит, профессионалы. Вот что, Рипли, узнай у Линды, кто такой этот профессор, как его там?
- Стивенс.
- Линда легко поддавалась этому профессору. Иди, – отпустил он Рипли. – И поговори с Фредом. Он дружит с Линдой, пусть попробует узнать у нее...
- Линда сама хочет заняться поисками, – перебила его вошедшая в кабинет загорелая женщина в открытом купальнике.

- Диана, – недовольно взглянул на нее старик, – ты могла бы при служащих...
- Папа, это всего лишь слуга, – насмешливо посмотрела она на смущенного Рипли.
- Иди! – Старик отпустил слугу.

Женщина рассмеялась.

- Ты что-то говорила о Линде?
- Насколько я поняла, она хочет разгадать ребус Черного Джона.
- Откуда тебе это известно?
- Водитель Брука слышал ее разговор с Фредом.
- Брук говорил мне об этом. Есть еще что-то?
- Пока нет. Но ведь тебе известно прошлое Линды. Она...
- Кстати, я тоже сидел в тюрьме, – перебил ее отец.
- Папа, ты влюблен в эту...

– Послушай меня, дочь, – жестко заговорил отец, – я не лезу в твою личную жизнь, хотя имею на это право. Ты уже совершила две ошибки.

– Хватит, папа! – Диана засмеялась. – Я была молода и думала, что мир ляжет к моим ногам. Но теперь я взрослая и не намерена рисковать.

- Рад это слышать. Но мне очень не нравится твое поведение в последнее время.
- Я понимаю тебя, папа, но ты несправедлив ко мне. Через три дня будет прием у лорда...
- Очень надеюсь.
- Что слышно от Чарли? – Диана достала сигарету.
- Не кури при мне, – попросил отец.
- Папа, – Диана бросила сигарету в камин, – еще полгода назад ты не выпускал сигарету

из рта.

– Я хочу дожить до того дня, когда вы найдете то, на поиски чего я потратил почти всю жизнь. Сейчас легче, железного занавеса больше нет. Но боюсь, что и у вас ничего не выйдет. Прошло слишком много времени. Я дважды посылал своих людей в СССР, они не вернулись. Я пытался найти Мирославских, но это мне тоже не удалось.

– Папа, мы это знаем. Поверь, ты увидишь сокровища Черного Джона. Чарли уже на месте, и он, я уверена, все узнает об этой маленькой копии земного шара. Меня интересует, действительно ли...

– Извините, – в кабинет вошел плотный невысокий мужчина, – время процедур. Прошу вас, мистер Скотт. Он ваш, Бетти, – улыбнулся он вошедшей вслед за ним длинноногой медицинской сестре в коротеньком белом халате.

- А что, – насмешливо спросила Диана, – вы проводите курс лечения импотентов?
- Если леди разгуливают почти голыми, – ехидно ответила Бетти, – то я ношу форму...
- Закрой рот, сестричка! – Диана шагнула к ней. Та дернулась ей навстречу. Врач сделал шаг вперед и оказался между ними.

- Нам пора на процедуры, – улыбнулся он Скотту. Диана вернулась в кресло.
- Сучка, – буркнула она. – После процедур я хочу поговорить с вами, доктор.

«Интересно, где сейчас Странник? – думал Уоррен. – Он заявлял, что женится, заведет двоих детей, мальчика и девочку, и больше никогда не будет воевать. Вряд ли... Странник – авантюрист и, может быть, только первые годы воевал из-за денег. Многие хотели начать спокойную жизнь, но возвращались. Наша работа – своеобразный наркотик, по себе знаю. Сейчас Пантера предложила работу, это и держит меня здесь. Хотя места для работы нет. Африка постоянно воюет, но деньги не те. Как там Гарри?» Он взял бутылку пива и сделал несколько глотков.

* * *

– Ничего нового, – сообщила по телефону Диана. – А у тебя что-нибудь есть?
– Пока тоже ничего, – недовольно отозвался мужчина. – Никто не знает, где этот француз. – Он чертыхнулся.
– Его нужно найти! – твердо произнесла Диана.
– А что Чарли?
– Пока не звонил. Чарли не тот человек, чтобы просто так звонить. А почему ты спросил?
– У нас есть конкуренты. Этого француза разыскивает еще кто-то, не родственники или друзья, а кто-то из Германии.
– Черт возьми, Спрут, неужели тебе нужно объяснять, что делать? Узнай, кто они, где останавливались, с кем встречались. Кстати, от кого ты узнал о них?
– Нашел одного пьяницу, он и сказал. Мы постараемся все выяснить...
– Где же француз?
– Кто-то говорит, что умер, другие – что он находится в частной клинике в Петербурге. Я звонил туда и пытался выяснить, но мне ответили, что о пациентах информации не дают.
– Понятно. В общем, вот что, Майкл, за трое суток ты выяснишь все и сообщишь мне. Иначе... – Не договорив, она отключила телефон.

Индия, Хисар

– Понятно, – недовольно сказал смуглый молодежь мужчина. – Значит, вам ничего не известно?
Стоящий рядом невысокий индеец перевел его слова.
– Нет, – виновато ответила пожилая женщина, – я ничего не знаю о брате.
– Она утверждает, – заговорил переводчик, – что...
– Я понял, – процедил смуглый. – Черт возьми, что же делать дальше? Если даже сестра не знает...
Подошедший полный индеец что-то быстро проговорил. Смуглый посмотрел на переводчика.
– Он говорит, двадцать долларов, и он скажет о Радже. Он знает, где его дочь Тина.
– Я дам сто, если он отведет меня к ней, – сказал смуглый. Индеец, широко улыбаясь, кивнул. – Это здесь рядом или надо куда-то ехать?
– Она живет здесь, – поговорив с индийцем, ответил переводчик.

Дели

– Давай отдохнем, – предложил лысый здоровяк. – И как здесь люди живут? – Он вытер лоб грязным носовым платком.
– Ладно, – согласился худощавый мужчина, – едем в отель.
Рослый индеец открыл дверцу «мерседеса».
– Ты приготовил все, что надо? – усаживаясь на заднее сиденье, спросил худощавый.
– Так точно, – ответил индеец.
Худощавый поинтересовался:
– Установил наблюдение?
– Конечно, – кивнул тот.
Лысый достал из холодильника пиво.

- Будешь? – предложил он худошавому.
- Пока нет.
- Я удивлен, – засмеялся лысый.
- Пей и молчи, – буркнул худошавый.

– Я вернулся в Дели, – сообщил по телефону смуглый. – Дочь его позавчера уехала в Дели к тетке. Адреса пока не знаю, но, думаю, с этим проблем не будет. А как дела у Спрута?

– Ничего хорошего, – ответила ему Диана. – Сказал, что француза еще кто-то искал. Будь осторожнее, Чарли. После публикации этого чертового исследователя колесо закрутилось. Поэтому...

- Как здоровье папы? – перебил Чарли.
- Все так же. Я, наверное, не дождусь, когда он умрет. И очень на него зла. Почему он только сейчас ввел нас в дело?
- Не забывай, что он наш отец.
- Хватит, братик. Слезы сам вытрешь или тебе помочь? Не раскисай. Дело гораздо серьезнее, чем я думала.
- Не волнуйся, со мной ничего не случится. Я найду дочь Раджа и узнаю все о ее отце. И если он жив, найду его. Без этого я не вернусь. Но взамен обещаю тебе заботиться о папе.
- А что мне остается делать? Я его дочь и обязана заботиться о нем. Не волнуйся, если что-то случится, я немедленно тебя вызову. На все остальное тогда будет наплевать.
- Надеюсь, ты говоришь искренне.
- Врут только слабые люди. Я не опускаюсь до лжи.

– Мы на месте, Карл, – сказал по телефону худошавый. – Остановились в отеле, на удивление неплохо. Пакистанец нас встретил. Правда, меня уже достал Койот. Я жалею, что взял его.

– На Аляске кто-то был, искал француза, – сообщил ему Карл. – Возможно, у сестры этого мастера появится еще кто-то. Будь осторожен. Пакистанец узнал адрес мастера?

– Да. Но его там, кажется, нет. Он установил наблюдение за домом сестры. Так что я буду знать, если кто-то появится. Койот просил узнать об оружии. Я считал, что здесь оно не потребуется, но после твоих слов об Аляске я изменил мнение.

- Скажи Пакистанцу, что тебе нужно, и он все достанет.
- Понял.
- И не забывай, Джонни, дело становится все более опасным.

Магаданская область

– Надоело! – Подтянутый мужчина в накомарнике отбросил лоток. – Неделию кормим всех этих гнусов, – он прихлопнул овода на кисти, – и ничего. Называется, золото мое, – усмехнулся он. – На курево и «Антикомарин» больше потратили. Все, я бросаю это дело. Во-первых, не мое это. Во-вторых, нудно и безрезультатно. И в-третьих, товарищи из органов могут нарисоваться. В общем, вы как хотите, а я завязал с этим мокрым и грязным делом.

– Он сразу хотел озолотиться! – Плотный молодой мужчина киркой выбивая лунку, подмигнул набиравшему в лоток землю верзиле.

– Сразу только кошки рожают, – недовольно отозвался тот. – Хотя знаешь что, Денисов, мне это тоже уже во где! – Он чиркнул себя по горлу. – Надоело! Хорошо, что ты временные удостоверения старателей-одинок взяла. А то в натуре – нарисуются менты, и сливай воду.

– Ничего страшного не случится, – успокоил плотный. – Удостоверения нам выданы официально, и плевать на биографию. Ну не везет пока. Но если пойдет, то хорошо возьмем. Я в прошлом году, можно сказать, разорился, а вот в первый год...

– Погодите, мон шер, – сказал подтянутый, – выходит, вы и нам того же желаете? Увы, месье, у меня в кармане вошь на аркане. Все свои деньги я потратил, а за новыми ехать пока не хочу. Звонил наниматель из Питера. Оплата вроде неплохая, но нужно ехать в Курдистан. Турки туда армию вводят, а воевать против государства за повстанцев желания нет. Но и копать тут в ручьях тоже неохота.

– Артур, – вздохнул Денисов, – ну просто отдохни на природе неделю, не больше. Если ничего не получится, уйдем.

– Денис Сергеевич, – усмехнулся Артур, – объясните нам, бестолочам, как вы выбираете место? Тычком пальца в карту?

– Нет, конечно, – ответил Денис. – Я новичок в этом деле. Мне подсказывают те, кто этим давно занимается.

– Идиот твое имя, – усмехнулся верзила. – Кто ж тебе покажет, где золото, если сам этим занимается?

– Ну почему? – возразил Денис. – Старожилы, те, которые когда-то мыли, а теперь по старости или по болезни не работают, дельные советы дают. Мне про эту падь старик один рассказал. Может, и в том месте берем, да и жила тут есть. Не месторождение, а жила. Старик не обманул меня.

– И где же твои залежи, то есть жила? – насмешливо спросил Артур. – Хотя можешь не отвечать, я все равно тебе благодарен. Золото, пусть пару граммов, вживую увидел, и даже в лотке у меня были песчинки. Ради этого не жаль семи дней. Если бы не гнус и бесконечное таскание земли в лотке...

– А ты хотел золото на глазок, как ягоды, собирать? – Денисов засмеялся.

– Да нет, конечно, – засмеялся и Артур. – Но все-таки я представлял это как-то иначе.

– Да если бы золотишко шло, все ништяк было бы, – вмешался верзила.

– Муромец прав, – кивнул Денис.

– Слышь, мужики, – усмехнулся верзила, – не зовите меня так. А то в зоне много канители было, некоторые суки «муромцем» звали, наверное, мстили мне за то, что я был офицером.

– Я при разговорах о местах не столь отдаленных чувствую себя не совсем уютно, – вздохнул Денисов. – Сразу вспоминаются совершенные мной поступки, которые подпадают под статьи уголовного кодекса. Я знаю точно: если мне будет грозить заключение, живым не дамся. Но сейчас я усиленно ищу возможность разбогатеть. Миллиона евро мне бы вполне хватило. Купил бы себе какой-нибудь приносящий доход объект... Я пытался выиграть, играл во все, что можно – в «Спортлото», «Бинго». Проиграл кучу денег, но ни разу ничего не выиграл. Ну, бывало по сто рублей или больше, но я их даже не получал. А сейчас пытаюсь найти способ разбогатеть и пошел в это предприятие по добыче золота с надеждой, что фортуна улыбнется и я стану золотодобытчиком, а через пару лет претворил бы свои планы в жизнь. Подкрадывается старость, осталось не так много, а я не хочу встретить свое пятидесятилетие где-то с винтовкой или мысленно подсчитывая, сколько денег после гулянки останется. Но увы, судьба настойчиво заставляет меня зарабатывать деньги, количество которых не позволяет исполниться моей мечте.

– Да ты так гулеванишь, – усмехнулся Муромец, – что тебе миллиона хватит так на месяц, а то и меньше.

– Мон шер, – усмехнулся Артур, – если я буду иметь миллион евро, я буду жить скромно. Даже машину менять не буду. Главное, чтобы деньги стали работать. Ведь если вдруг заболеешь или просто не будет желания что-то делать, можно лежать в своей квартире и отдыхать.

Обязательно женюсь, но сделаю это с умом, чтоб женщина вышла замуж за Артура Страннова, а не за его деньги.

– У тебя фамилия интересная, – сказал Денис.

– Детдомовец я, – улыбнулся Артур, – с первого дня жизни без родителей. Врач, который меня осматривал, сказал, что я странный ребенок. Вот и дали фамилию Страннов. Имя Артур – не знаю почему, а отчество таксиста, который меня нашел. Мамаша меня оставила между гаражей, а он как раз к своей машине шел и нашел. Когда я подросток – сбежал. Поймали быстро, через два часа. Спасло то, что у нас учитель физкультуры был наполовину японец. Его отец остался в России после плена. Учитель вполне прилично владел джиу-джитсу. А я драться любил, и он научил меня премудростям японского рукопашного боя. Учитель поставил условие – если буду распорядок нарушать или плохо учиться, перестанет меня тренировать. И я делал все, чтобы он меня учил. Благодаря этому и в училище поступил. А после девяносто шестого сломалось во мне что-то... Когда Ельцин с Масхадовым договор подписали, чехи нас на колени поставили. Из армии я ушел. И спился бы, если бы не...

– Помогите! – неожиданно послышался женский крик.

Денис схватил пятизарядное охотничье ружье, Муромец – двустволку, Артур достал бинокль.

– Видишь ее? – спросил, взводя курки, Муромец.

– Спасите! – раздался с сопки мужской голос.

– Не видно ни хрена, – с досадой проговорил Артур.

– Побежали на голоса! – Денис рванулся к сопке.

– А золото и все остальное?.. – не двигаясь с места, остановил его Муромец.

– Я бы не стал рисковать. – Достав сигарету, Артур сел на камень. – Там с ними мужик... – с сопки донеслись два выстрела, – есть оружие, так что нам там делать нечего, больше никто не кричит.

– Мужик, – сообщил Муромец.

Артур и Денис посмотрели в ту сторону. К ним от сопки стремительно бежал мужчина с ружьем.

– Медведь! – задыхаясь, проговорил он. – Помогите! Там три женщины! Проводник, мразь, ушел! Помогите!

– Что же ты с пушкой, а баб бросил? – спросил Муромец.

– Я два патрона потратил, а он все равно шел... – Мужчина облизнул пересохшие губы.

– Надо спасти женщин! – Денис бросился вперед.

– Уже не успеем, – сказал Артур. – За это время медведь порвал всех. Но странно, никто больше не кричит. А ты дерьмо, – кивнул он подбежавшему. – Я с тобой не то что в разведку, за сигаретами не пошел бы вечером. Да и днем с опаской.

– Но я ничего не мог сделать, – попытался оправдаться мужчина. – Я выстрелил два раза, но дробь мелкая, и к тому же я из ружья стрелял всего дважды. Останься я, и погиб бы тоже. А может, они успели убежать, – с надеждой проговорил он.

– Три женщины, – сообщил Денис, – идут сюда и, кажется, тебя будут бить, – подмигнул он мужчине. Но тот не услышал. Он побежал навстречу женщинам. Артур взял бинокль.

– Дамы, судя по лицам, в ярости.

– Удар у одной поставлен, – хохотнул Муромец.

– Врезала нормально, – согласился Артур. – И две другие его пинают.

– К нам идут, – усмехнулся Муромец.

– А медведя они что, сами уделали? – удивленно спросил Артур.

– Добрый день, – подошла к ним молодая блондинка. – Вы кто?

– Надеюсь, вы имеете право задавать такие вопросы, – сказал Артур.

– Просто интересно, – смущенно улыбнулась она. – Я думала, мы здесь одни.

- Они золото моют, – испуганно прошептала подошедшая девушка.
- Дикие старатели, – сказала третья женщина.
- Имеем разрешение, – успокоил их Денис.
- Позволю себе любопытствовать, что вы изволите делать в этих диких местах и как вы справились с медведем? – спросил Артур.
- Не мы, – ответила блондинка, – наш проводник, Лука... – Она обернулась. У скорчившегося труса присел коренастый мужчина с карабином. – Вот он. А мы геологи, работаем на частную фирму...
- Ищите золото, – усмехнулся Артур.
- Вам не говорили, что перебивать человека невежливо?
- Слышал, – кивнул Артур. – Но здесь и сейчас не до этикета. Лихо вы уделали своего знакомого или коллегу.
- Коллега! – сердито повторила блондинка. – Этот рыцарь к тому же добивается моей руки и сердца.
- Рукой он уже получил, – улыбнулся Артур, – мне кажется, врезали вы ему от сердца. Все рассмеялись.
- Здравствуйте! – подошел к ним молодой чукча. – Всем хорошего настроения и здоровья. Вадим Петрович говорит, что будет писать заявление в милицию, у него разбиты нос, нижняя губа и... – он смущенно улыбнулся, – как это сказать...
- Яйца болят, – подсказал Артур.
- Да, – не поднимая головы, кивнул Лука.
- Женщины захохотали.
- Надеюсь, нас поймут, – проговорила блондинка. – Потому что назвать его мужчиной сложно. Кроме того, – она посмотрела на сидящего на земле коллегу, – он оставил на растерзание зверю трех женщин.
- Вердикт краток, – кивнул Станнов, – он виновен.
- Может, его сразу пристрелить? – Денис приподнял ружье.
- Это не смешно! – бросилась к нему блондинка.
- Значит, пусть живет, – улыбнулся тот.
- Мы забыли представиться, – улыбнулся Станнов. – Я Артур.
- Меня Денисом назвали, – улыбнулся Денисов. – По фамилии, – рассмеялся он. – А это наш молчаливый друг Юрий. – Денисов посмотрел на Муромца.
- Катя, – представилась блондинка.
- Таня, – кокетливо улыбнулась другая девушка.
- Людмила Павловна, – спокойно назвалась женщина в очках.
- Там Вадим Торин, – кивнула назад Екатерина. – Луку вы знаете.
- Странное имя для чукчи, – пробормотал Артур.
- Отец назвал так в честь человека, который спас ему жизнь.
- А как ты с медведем управился? – спросил Денис.
- Медведица защищала своих детенышей, – спокойно начал Лука. – Он, – Лука посмотрел на Торуна, – напугал медвежат. Ну, мать и заступилась. Я снова напугал медвежат, они позвали мать, и она оставила женщин, вот и все.
- Как просто! – Артур покачал головой. – Я не знаю, как повел бы себя на месте Вадима. Медведь – это медведь, а не чех с гранатометом.
- А я уверена, вы не оставили бы нас, – заявила Катя.
- Сейчас легко говорить, а там кто знает, как было бы. Пока не дойдет до дела, все герои. Но скорее всего не оставил бы! – Артур засмеялся.
- Где вы остановились? – спросил Денис.

– Мы еще не разбили лагерь, – вздохнула Таня. – Нам нужно обследовать этот район на наличие угольных пластов.

– Тогда милости прошу к нашему шалашу.

– Наши вещи там. – Катя повернулась к сопке. – Надо их забрать.

– Мой друг вместе с Лукой все заберет, – улыбнулся Артур.

– Но там много вещей, мы все пойдем.

– Вы ничего не слышали о двух русских, бежавших из Америки на самолете? – наливая водку троим оленеводам, спросил плотный рыжеволосый мужчина.

– Нет, – ответил чукча постарше. – Если я не слышал, то они тем более. – Он взял стакан.

– Я считаю, мы зря переводим деньги и понапрасну тратим время, – проворчал мужчина в позолоченных очках. – К тому же, насколько я знаю, в летнее время алкоголь оленеводам запрещен. Зря я понадеялся на вас, Эдуард.

– Извините, сэр, – усмехнулся тот. – Но упавшую с неба звезду не поймает. Вероятно, те события происходили в другом районе. Вы и сами точно не знаете, куда прилетели те двое. Известно только, что они пересекли воздушную границу СССР. И все. Этого очень мало, чтобы вести поиск. Поэтому я надеюсь на помощь своих знакомых, они сумеют узнать, где был сбит самолет и что произошло с летчиками. А пока подождем...

– Но мы уже неделю бродим по сопкам и тундре, – недовольно напомнил мужчина в очках. – Меня доконают комары и большие мухи, я весь пропитался запахом мази, которая, кстати, малоэффективна против кровососов.

– А против России вообще все бесполезно, – усмехнулся Эдуард.

– Не вам это говорить, – проворчал мужчина.

– Извините, сэр, я все-таки россиянин, а мои отец, дед и прадед воевали и погибли...

– А зачем? – язвительно спросил собеседник. – Россия стала свободной страной, правда, со своеобразной демократией.

– Давайте не будем, – попросил Эдуард. – Сейчас Россия считается свободной страной, но у меня есть свои претензии к народу, который оставил мою семью за чертой...

– Куда мы отправимся теперь? – перебил его собеседник.

Опьяневшие чукчи негромко запели. Эдуард усмехнулся и кивнул двоим молодым людям в вездеходе. Мужчина в очках встал, брезгливо посмотрел на чукчу, взявшего кусок оленины из закопченного котелка, покачал головой и пошел к вездеходу. Эдуард вытащил из спортивной сумки еще две бутылки водки.

– Это вам, – сказал он чукчам и пошел за очкастым.

– Дикари, – подойдя к вездеходу, проворчал мужчина в очках.

– Это их жизнь, – улыбнулся мускулистый молодой брюнет. – Как я понял, ничего интересного они не сообщили, – взглянул он на Эдуарда.

– Ты правильно понял. Янки начинает нервничать, – негромко добавил он. – И знаешь, Клинт, что-то не верю я в его сказки о поиске следов отца.

– Я знаю, что в Москве он пытался найти каких-то Мирославских, – вмешался второй. – Звонил какой-то бабе, и та обещала их найти. То, что он нам втирает, полный бред.

– Да нам без разницы, – усмехнулся Эдуард. – Деньги неплохие получим, а чего он хочет, это его дело. Но хотелось бы знать правду, а Моретти не желает говорить об этом.

– Может, прижать его? – предложил атлет.

– Все у тебя просто, Качок. А что мы скажем его брату? Хотя не хочется, чтобы нас использовали втемную. – Эдуард поморщился.

– Я не понимаю, – послышался голос американца, – чем вы недовольны? Вам платят, можно сказать, ни за что. Другие платят сами, чтобы попасть в Россию. А вы путешествуете и за это получаете деньги. Я говорил, – он подошел к русским, – что мне необходимо получить

сведения об одном человеке, поэтому мы здесь. И больше вам ничего знать не надо. Я ясно объяснил ситуацию?

– Вполне, – усмехнулся Эдуард. – Но мы считаем, что могли бы больше помочь, зная истинную причину...

– Ваше дело – охрана моей персоны, – ответил Моретти, – и следовать моим указаниям. Если вы не хотите...

– Достаточно, сэр, – остановил его Эдуард. – Мы будем выполнять ваши указания. Извините наше любопытство. Однако нас обижает ваше недоверие. И мы бы хотели знать, насколько серьезно мы рискуем.

– Вы не рискуете ничем, – сказал Моретти.

– Лука, почему вы так на меня смотрите? – спросила Екатерина.

– Извините, я уверен, что где-то видел вас. А вот где и когда, не могу вспомнить. Ваше лицо мне знакомо.

– В этих краях я впервые. И я вас не встречала, у меня прекрасная память на лица, и я не забыла бы вас. Вы были в Москве? – спросила Катя.

– Нет, – ответил Лука. – Я учился в интернате в Анадыре. В армии не был, меня освободили из-за больной мамы и двух маленькие сестер. Отец погиб. Сейчас моя семья – мать, две сестры и мамин брат. Я охочусь и вожу геологов по этому району. Очень хочу поехать куда-нибудь на поезде, – смущенно признался он, – но для этого надо попасть хотя бы в Хабаровск.

– Катя, – подошел к ней Вадим, – я, конечно...

– Вадим, – не глядя на него, сердито сказала Катя, – я не хочу с тобой разговаривать. Ты должен улететь с первым вертолетом. Ты раздражил медвежат и бежал, оставив нас с разъяренной медведицей. Если бы не Лука, я не знаю, что было бы с нами. Что ты рассказал бы, возвратившись в Москву один? Наверняка поведал бы о своем героизме.

– Ну прости меня, Катенька, – умоляюще проговорил Вадим. – Я испугался. Я стреляю в эту зверюгу, а она рычит и идет на меня. Я и побежал. Думал, что медведица бросится за мной. Говорят, что вниз по склону медведь бежит плохо. Конечно, я пытаюсь найти себе оправдание, хотя просто ужасно испугался. А медвежонка я хотел поймать и продать в зоопарк. Я же ведь в долгах, поэтому и с вами поехал. Прости меня, пожалуйста, Катенька.

Лука сидел молча.

– Это правда, Лука? – спросила его Катя.

– Да, – кивнул Лука.

– Прости, Катюша, – попытался обнять ее Вадим. – Я и у Танюши, и у Людмилы Павловны прощения пошу...

– Не думаю, что они согласятся говорить с тобой. Уйди, пожалуйста, через сутки будет вертолет. Я все объясню...

– Хочешь выставить меня на посмешище? Не выйдет, милая. Тебе, наверное, кто-то из этих старателей приглянулся, – усмехнулся он, – так и говори. Я никогда не рассчитывал на серьезные отношения с тобой. Я так и буду говорить. Про медведя я, разумеется, тоже расскажу, но с небольшим уточнением. Этот чукча, – Вадим кивнул на Луку, – посоветовал мне...

– Вы подлец, месье! – заявил подошедший Артур. – А ты чего сидишь, Лука? Дай ему по морде. А вы, Екатерина, извините, не знаю отчества, плюньте ему в морду, и все дела.

– Слушай, ты, – шагнул к нему Вадим, – закрой рот или я тебе его...

– Батюшки, – усмехнулся Артур, – да никак в вас проснулся мужчина. Наверное, в надежде, что таежный бродяга будет звать на помощь товарищей.

– Хватит! – Катя встала между ними. – Перестаньте изображать героев.

– Мадам, – вздохнул Артур, – не лишайте меня удовольствия, отступите в сторону.

– У него черный пояс по карате, – не двигаясь, сказала Катя. – Уйди, Вадим, или...

– Ладно, – усмехнулся тот, – бережешь личико ухажера? Живи пока! – подмигнул он Артуру. Тот рассмеялся.

– Милиция, Станнов, – подошел к ним Денис. – Снова с проверкой.

– Ладно, – буркнул Артур, – пусть живет. Наглый тип. А у вас с ним серьезно, мадам?

– Это вас не касается! – отрезала Катя. Вдоль ручья по распадку шли четверо, один в милицейской форме.

– Все надеются на чем-то нас подловить, – улыбнулся Денисов. – Даже машину оставляют и пешком идут полкилометра.

Москва

– Подожди, Семенов, – остановил бородача Иван Евгеньевич, – кто искать нас может? С чего ты это взял?

– Извините, Иван Евгеньевич, дело в том, что в вещах убитого бандита Муравьева по кличке Кастет нашли записку с вашей фамилией. Насколько я знаю, Мирославские сейчас...

– Да не пори чепухи, Семенов. В России наверняка есть еще семьи с такой фамилией. Или ты думаешь, что кто-то из нашей семьи связан с этим бандитом?

– Я порылся в архивах и обнаружил интересную информацию. Оказывается, вас, Мирославских, кто-то пытается найти с августа сорок пятого года. Кроме того, ваша мать, Лариса Александровна, погибла в аварии.

– Хватит, майор, ты кому-нибудь из моих говорил об этом?

– Конечно, нет. Помните, в сорок пятом году в Туле...

– Я ничего не помню, только людей в форме, которые кричали о том, что вся моя семья – предатели. Еще помню детский дом...

– Иван Евгеньевич, вас действительно разыскивают и это как-то связано с вашим отцом. До сих пор точно неизвестно, что с ним случилось. Есть версия, что он перешел границу с группой японских диверсантов...

– Федор, не оскорбляй память моего отца.

– Извините, командир. А другая версия наиболее правдива. В сорок пятом с Аляски был угнан двухместный истребитель. Он улетел в сторону Чукотки, его пытались преследовать...

– Знаю. Я пытался найти документы, свидетелей, но, к сожалению, не удалось. Я даже на Чукотку летал, чтобы найти очевидцев, но опоздал, свидетелей не осталось. Может, искал плохо, я боялся узнать правду, вдруг, действительно отец был с японцами. Подтверждения тому, что на Аляске был захвачен самолет, не было. Имеются документы о диверсионной группе, и там вскользь упоминается имя отца. Наверное, поэтому я и не пытаюсь докопаться до истины. Я всегда был твердо уверен, что мой отец не был предателем. А сейчас у меня появились сомнения. Меня действительно разыскивают уже не первый год. Я боялся, что пытаются найти разведка какой-то страны. Не думаю, что меня будут шантажировать прошлым отца. Он не предатель, в этом я уверен.

– Убитый бандит не мог быть связан ни с какой разведкой. Да ведь сейчас вы не представляете никакого интереса. Вы просто офицер МВД в отставке, понимаете?

– Понимаю. Мне плевать на мою репутацию, но мне не хочется марать память моего отца в глазах внуков.

– Я так и понял. И все-таки к этому надо отнестись серьезно. Вот почему. – Семенов достал из кармана листок. – В сорок девятом в Туле была захвачена банда Руки. И вот что есть в протоколе допроса: «Мы искали графа, но нам не удалось его найти». Можно подумать, что это кличка уголовного, Граф, но нет, – качнул он головой. – Вот запись в протоколе допроса сына Рубакина, тоже по кличке Рука. «У графа (уже с маленькой буквы) есть какая-то штука,

по которой можно выйти на сокровища». Видимо, тогда этому не придали значения и даже не пытались выяснить, кто такой граф. А я думаю, что это...

– Как раз младший Рука называл фамилию Мирославский, но когда мне сообщили об этом, я просто отмахнулся. Я пытался говорить с Рукой-младшим, но ничего вразумительного от него не услышал. Якобы его отец что-то слышал в лагере на Колыме о тайном знаке, который был у графа, и все. Вот такие дела, Федор. Внучка Екатерина, названная в честь моей бабки, пытается найти место, где погиб мой отец. Если у нее получится, то и выяснится, как именно он погиб. В свое время я и смог бы что-то выяснить, но тогда это было небезопасно. А сейчас просто боюсь, что всплывет что-то, что может осквернить память об отце. Поэтому давай не будем...

– Хорошо. Но я все-таки постараюсь выяснить, кто проявляет интерес к вашему отцу, а также почему и от кого у Муравьева была записка с вашей фамилией.

– Это, пожалуй, можно объяснить. Я все-таки пересажал немало всякой мрази, возможно, кто-то пожелал отомстить.

– А вы сами верите в то, что сейчас сказали?

– Научил на свою голову, – проворчал отставной полковник. – Если честно, то нет. Не стоит копаться в этом. Вполне возможно, кто-то пустил слух, что у Мирославского несметные сокровища...

– Слух действительно был, в лагерях на Колыме об этом говорили. Есть у меня одна мысль.

– Но ни слова моим, – предупредил Иван Евгеньевич.

– погоди, – рассердился Яков Лазаревич, – как это уволили? Почему? Я немедленно позвоню...

– Никуда не надо звонить, – остановил его крепкий мужчина. – Распалась наша фирма. Хорошо еще, поделили деньги и не остались нищими. А все шло к тому. Права была Анжелика.

– Что ты решил, Валентин?

– А что я могу? Не знаю. Конечно, буду что-то искать. Почему ты, папа, не уехал на Землю обетованную? В Израиль...

– Да потому что там не первый год идет война. Я тебе говорил, что надо заниматься пусть не крупным делом, но своим.

– Но тем не менее США, Франция и Англия и даже Германия и Япония живут...

– Россию долго сдерживали коммунисты, они отвернулись от Бога.

– Ладно, пойду приму ванну, а потом буду думать, чем заняться. Анжелика звонила?

– Уже три дня молчит. Я не знаю, что и думать.

– А кто приехал?

– Давид Шалон с бредовой идеей о том, что в России есть разгадка тайны Черного Джона.

– А что он сказал?

– Не понимаю, почему ты вдруг спросил? – сердито посмотрел на него отец.

– Да просто так. Почему он явился к тебе и заговорил об этом? Насколько я помню, ты всегда говорил, что Давид Моисеевич умный человек.

– К сожалению, я ошибался. А сейчас начинаю жалеть, что сказал об этом тебе. Надеюсь, ты не будешь...

– Разумеется, нет. А сейчас, с твоего разрешения, я приму ванну.

– Зря я сообщил ему о словах Давида, – пробормотал Эйверман.

– Да он ничего не желает слушать, – сердито сообщил по телефону Шалон. – Хотя мне показалось, что я сумел заинтересовать его.

– Папа, – вздохнул сын, – зачем ты все ему рассказал? Надо было только попросить его вывести тебя на Мирославских.

– Подождите, Алон, как это выглядело бы? К тому же я не уверен, что Яков хорошо знаком с Мирославским.

– Он его вообще не знает. У него есть знакомый, ты его тоже знаешь, который мог бы пригодиться.

– Кого ты имеешь в виду?

– Василия Аркадьевича. Позвони ему.

– Но позволь, он и я – старые недруги.

– Позвони, папа, – твердо повторил сын.

– Знаешь, – сказал полный лысый мужчина, – я всегда был против таких отношений...

– Перестань, Вася, – ответила упитанная женщина. – Пойми, что твои претензии...

– Извини, дорогая! – Он взял другую телефонную трубку.

* * *

– Я думаю, он не просто так приехал и пытается что-то выведать у отца, – сообщил по телефону Валентин.

– Слушай, ты, – зарычал абонент, – ты должен десять кусков евро, и мне твои байки на хрен не упали! Если завтра не принесешь, я не буду включать счетчик, а просто прихлопну тебя как муху. Въехал?

– Но погоди...

– Все. Завтра жду бабки! – Телефон отключился.

– Черт! Что же делать? Где я возьму такие деньги? Эх, черт, неделей позже разошлись бы, и все было бы нормально. А ведь можно...

– Понял, – сказал по телефону Абдулла. – Все будет исполнено.

– Но не раньше, чем я прикажу, – послышался ответ.

– Все будет исполнено.

Канада, Сет-Иль

– Где бумаги дяди? – спросил Вилли привязанного к стулу пожилого негра.

– Я не понимаю, о каких бумагах вы говорите, – ответил тот.

– Откуда ему знать? – усмехнулся Блойд. – Он же, черномазый, неужели твой дядя, ариец, мог...

– Этот черномазый – его преданный пес. И наверняка обо всем знает.

– Тогда вопросов нет. – Блойд присел перед негром и прикурил сигару. – Ну и дерьмо эти сигары! – Он сплюнул и выдохнул дым в лицо негру. – Слушай, ниггер, или ты скажешь все, что знаешь, или я тебя поджарю. Хотя... Вилли, – не поворачиваясь, попросил он, – скажи кому-нибудь, чтобы принесли тазик с кипятком. Посмотрим, какого цвета станет черная кожа после того, как ноги опустят в кипяток! – Он засмеялся.

– Не трогайте его, – послышался женский голос. – Я все скажу.

– А это еще что за чучело? – Блойд обернулся и увидел стоящую в дверях худенькую молодую негрятенку.

– Его дочь, – ответил Вилли.

– Отлично. Где вы ее выхватили? – спросил Блойд двоих крепких парней, стоявших за спиной негрятенки.

– Да она сама подошла, – ответил один. – И стала говорить про какого-то Карла.
– Карл – сын дяди, – сказал Вилли. – Неужели он влез в это дело? Он был здесь?
– Да, – ответила девушка. – Он был, когда заболел хозяин.
– Черт бы его подрал, – процедил Вилли.
– Но тогда, Вилли, почему дядя не говорил тебе об этом? – спросил Блойд.
– Тьфу ты! – Вилли усмехнулся. – Как я сразу не вспомнил. Он говорил о бумагах, которые где-то спрятаны. И еще что-то...

– За документами приехали трое, – сказала девушка. – Говорили по-английски, но плохо. Искали Карла. Одного они называли то бароном, то Густавом. Они тоже спрашивали о бумагах, но папа ничего им не сказал.

– Мы не тронем ни тебя, ни твоего отца, – сказал Вилли. – Где Штольц-старший хранил бумаги? Я знаю, что он не доверил их Карлу. Он пытался что-то сказать мне, но не успел. Я заплачу тебе тысячу американских долларов, если ты скажешь, где Фридрих Штольц хранил бумаги.

– Их искал Карл, – раздался стонущий голос пожилого негра, – но никто не знает, что это за бумаги и где они. Я слышал, как несколько лет назад господин Штольц разговаривал с каким-то русским. Они говорили о каком-то графе, у которого что-то есть, чего не хватает, чтобы узнать тайну пирата. Больше я ничего не знаю.

– Где твой хозяин хранил бумаги? – спросил Блойд.

– В каком-то сейфе, – опередила отца девушка. – Где-то в подвальных помещениях. Там был кабинет хозяина. Его сын искал, но ничего не нашел.

– Я покажу, где может быть сейф, – увидев, как Блойд кивнул на девушку, торопливо проговорил негр.

«Сработало, – мысленно усмехнулся Блойд. – Когда дело касается родственников, развязать язык и заставить говорить правду можно всякому».

– Почему ты готов был умереть, но не открыть тайну? – спросил он.

– Хозяин был очень добр ко мне, – ответил негр. Двое парней развязывали ему руки. – Он дал мне приют. Хозяин хорошо платил, и я был готов умереть за него.

– Но у тебя выбор невелик, – усмехнулся Блойд. – Сохранишь верность мертвому хозяину – потеряешь дочь.

– Я покажу, где сейф, – повторил негр и взглянул на дочь. – Иди домой, – сказал он ей по-португальски.

– Что ты ей сказал? – Блойд приставил пистолет к виску девушки. – Сначала шепотом ответишь ты, – обратился он к девушке. Она прошептала что-то. – Теперь ты, – кивнул он отцу.

– Я сказал, чтобы она шла домой.

– Пока никто никуда не пойдет, – хмыкнул Блойд. – Пошли к сейфу.

– Вряд ли мы что-то найдем, – сказал Вилли. – Был Карл, потом эти трое. Скорее всего это люди барона фон Бергера.

– Не думал, что Бергер – барон.

– Фон Бергер, – поправил Вилли – гестаповец, полковник, кажется. Барон был командиром дяди, от него я и узнал. Он пытался даже переспать с баронессой. Был даже разговор, что сын барона от дяди. Но потом разговоры прекратились. Внук, его тоже зовут Густав, вылитый дед. Значит, и Густав пытается выйти на это дело. У него, конечно, шансов больше. Но я не собираюсь останавливаться. Если ничего не найдем здесь, выхватим Карла и все узнаем у него. У меня с двоюродным братом всегда были натянутые отношения. Ну, где сейф? – спросил он у негра, которого тащили за руки двое парней.

– Здесь... – Негр кивнул на угол возле двери. – Там люк, его откроете, загорится свет, и есть ступень вниз.

– Ищите люк, – приказал парням Вилли.

– Какие-то записи на немецком, – сказал Вилли. – Я хоть и немец по рождению, но по-немецки говорю плохо.

– Забирай и уходим, – сказал Блойд.

– Где сейчас Карл? – спросил Вилли у негра.

– Я не знаю. Управляющий может знать, но он уехал покупать коров. Молодой хозяин хочет, чтобы все оставалось по-прежнему.

– Уходим! – поторопил Вилли Блойд. – А ты, если кому-то что-то пикнешь, заказывай дочери гроб.

– Но что я скажу молодому хозяину? – вздохнул негр. – И Макосса тоже будет задавать вопросы.

– Кто такой Макосса? – спросил Вилли.

– Гангстер, – ответил слуга.

– Говори что хочешь, – усмехнулся Блойд. – И посоветуй, чтобы он не лез в дела семейные, иначе запросто может умереть раньше времени.

– Не надо так говорить, – ответил негр. – Макосса очень плохой человек, зверь. Мой хозяин боялся его.

– Я боюсь только атомной войны, – фыркнул Блойд. – Нет человека, который сумел бы напугать меня.

Оттава

– Узнай, – приказал высокий плотный мужчина, – о чем они спрашивали и что искали. Руал не успел сказать ничего существенного. Элен, – он посмотрел на крепкую женщину лет тридцати пяти, – проверь аэропорт и порт Галифакс. Они вполне могут добраться до него и оттуда уплыть. Возможно, у них есть судно.

– Если оно у них есть, – ответила женщина, – то они отойдут от Сет-Иля.

– И все-таки проверь аэропорт, – настойчиво попросил он. – И напоминаю: мне не нравится, что ты часто не соглашаешься со мной. – Возражай не при моих людях.

– Хорошо, милый. – Элен неторопливо пошла к двери.

– Как думаешь, кто они такие? – остановил ее мужчина.

– Марон, думаю, это связано с поиском алмазного глобуса. Интересно, почему мы не нашли никаких бумаг? Ведь Том повел их в подвал.

– Ему ничего не оставалось, там была его дочь. Коста все узнает, а ты выясни, есть ли у них судно.

– Следует послать с Костой Техника. Он бы составил фотороботы. Врага лучше знать в лицо.

– Ты права, дорогая. – Он нажал кнопку на крышке стола.

– Да? – послышался женский голос.

– Скажи Косте, что с ним поедет Техник.

Вашингтон

– Куда же она ушла? – недовольно спросил Валин. – Анжелика нужна мне, через час придут двое, и мне потребуется перевод. Что за своеволие?

– Вы, Михаил Павлович, сами виноваты, – насмешливо проговорила красивая брюнетка, – слишком много ей позволяете. Я вполне могу заменить Анжелику.

– Прекрасно, Рита! – Валин посмотрел на часы. – Как только Анжелика появится, пришли ее ко мне.

- А если она вернется до приезда ваших клиентов?
- Работать все равно будешь ты.

– Подожди, – сказала по телефону Анжелика, – как же теперь ты...
– В этом-то и вопрос, – зло перебил ее Валентин. – Я говорил ему, но...
– Ясно. В общем, вот что я тебе скажу, – вздохнула она. – До моего возвращения осталось пять дней. Пообещай, что через неделю отдашь деньги.
– Он даже счетчик не включил, – обреченно произнес брат. – Меня убьют, Анжелика. Убьют! – Он сорвался на визг. – А я жить хочу! Понимаешь?!

– Будь мужиком, в конце концов! Поговори с папой... Хотя не стоит, можно все испортить. Я сама позвоню ему. Главное, не делай глупостей. И никакой милиции.
– Хорошо, я понял. Но отец не даст денег. Да и нет у него такой суммы.
– Ты плохо знаешь папу, – усмехнулась Анжелика.

Оттава

– Значит, им тоже нужны бумаги, – проворчал Макосса.
– Они нашли какие-то записи, – вздохнул Коста, – в подвале, там есть две комнаты.
– Техник составил фотороботы?
– Работает. А что делать нам?
– Когда Техник закончит, возвращайтесь. Никого не трогать! И узнайте, может, кто-то что-нибудь слышал. В общем, Техник знает, что делать.
– Ладно, босс. – Макосса отключил телефон. – Бура ко мне! – крикнул он.
– Чего ты хочешь? – спросила Элен.
– Убью Бура! Он дважды был там, почему не мог все сделать?!

– Провинившуюся собаку бьют, – усмехнулась она. – Но побои ее только пугают. Просто строго поговори с ним, пусть исправляет свою ошибку. Иначе ты потеряешь своих людей, тебя будут бояться, а это плохо.
– И пусть дрожат, я не позволю, чтобы они плохо выполняли работу.
– Вы звали, босс? – В кабинет вошел смуглый молодой мужчина. Раздался пистолетный выстрел. Пуля расщепила косяк двери, у которой стоял смуглый. Он, дернулся, но остался стоять.
– Еще раз ошибешься, – процедил Макосса, – и тебе не жить. В доме Штольца нашли тетрадь. Там, оказывается, есть потайная комната.
– Виноват, босс, – смуглый опустил голову, – простите.
– Поедешь к Карлу, – Макосса отбросил пистолет, – и покажешь ему то, что привезет Техник. Я хочу знать, кто еще влез в это дело. Может, Густав фон Бергер? Хотя он не мог. К тому же его узнали бы. Он дважды бывал у Штольца. Но он мог кого-то прислать. Впрочем, нет. Густав не стал бы угрожать негру и его дочери. И прислать он никого не мог. Барон?! – Макосса усмехнулся. – Но проверить это стоит. Подожду Техника... – Элен, у нас есть фотографии семьи барона?
– Уверена, что есть. Но также уверена, что молодой барон здесь ни при чем, там был кто-то другой. И они, как я думаю, отправились в порт. Я убеждена, что они прибыли морем.
– Я позвонил Боцману, – сказал Макосса. – Он обещал проверить все небольшие суда. Так что я буду знать, если они бросили якорь в Галифаксе.
– Очень хорошо, – кивнула Элен. – Мне хотелось бы знать, на кого они работают.

Вашингтон

– Значит, все началось в сорок пятом году, – сказал Вилли. – Но это только слухи, исходящие скорее всего от Бергера. Упоминается какой-то пират Черный Джон, – прочитал он дальше. – Здесь неразборчиво, что-то о капитане Бадензе. Странно... Барон, пират и какой-то капитан. Тебе это ни о чем не говорит?

– Пираты – это сокровища, черные метки, карта с указанием места, где спрятаны эти сокровища. В детстве я читал роман о пиратах и порой мечтал, что найду клад. Но мечты кончились после столкновений с боевиками Аль-Каиды. Потом Ливан, Афганистан, суд, приговор – и прощай, армия. Хорошо, ты не оставил меня. А то бы я начал грабить банки! – Блойд засмеялся. – Но знаешь, что-то за всем этим есть. Не зря же твой дядя прятал тетрадь. И не зря Макосса имел там своего человека. Надо найти Карла и выяснить все, что знает он.

– А я думал, что ты откажешься.

– Да брось! Что ты решил?

– Я буду выяснять правду. Перед смертью дядя говорил о сокровищах пирата. О каком-то алмазном глобусе. Наверное, это и есть сокровище. Говорил о бароне, что тот приказал передать тетрадки его сыну, но дядя сам решил заняться поисками. Потом пытался завладеть всем имуществом, но сын барона его выгнал. Дядя говорил, теперь внук барона, Густав, будет искать сокровища. Он еще который бормотал, но я мало что понял. Да особо и не вслушивался, думал: бред умирающего. Отец говорил, что его брат Фридрих знает какую-то тайну барона и что за этим стоят огромные деньги. Он вроде пытался кое-что разузнать, но не получилось. Я попал в подходящий момент: дядя из-за чего-то поскаandalил с сыном и выгнал его. По этой причине у дяди случился инфаркт. А тут приехал я. Но я, повторяю, не очень вслушивался в бред больного. А месяц назад случайно прочитал в старой газете статью профессора Чарльза Доули. О пирате Черном Джоне, о том, что его сокровища скорее всего побывали у некоего капитана Бадензе. Есть какой-то алмазный шар, состоящий из семи частей. На этом маленьком глобусе, если сложить все его части, можно найти указание на то, где спрятаны сокровища.

– Шарик из семи частей! – усмехнулся Блойд. – И где же он?

– Стоп! – Вилли вскочил. – Черт возьми, как же я мог забыть? Черт!

– Что ты вспомнил?

– Дядя Фридрих говорил, что одна часть глобуса находится у барона. Точно. Или даже две. Надо ехать в Мексику.

– И что? Думаешь, барончик отдаст нам эти части? Он наверняка сам ищет остальные детали.

– Дядя Фридрих что-то бормотал о России. Да... – Вилли замолчал. – Точно, граф, француз... Наверное, то клички. И у этих людей ненастоящие остальные части шарика. Ну что, Блойд, действуем?

– Без вопросов. Но вдвоем нам не справиться, нужна команда. Сколько мы можем платить пятерым?

– Почему пятерым?

– Меньше нельзя, пятеро – минимум.

– Ну, по пять тысяч в месяц, – помолчав, ответил Вилли. – А по завершении операции каждый получит по сто тысяч.

– Ладно, я найду людей. Использовать старые связи не хочу, там не те люди, которым можно доверять.

– Подожди, но у меня есть свои парни. Кроме того, можно обратиться к знакомым дяди и...

– Не стоит. Я уверен, что все, кто знает об этом, пытаются найти эти части и собрать шарик. И тут возникает вполне резонный вопрос: почему только сейчас?

– Думаю, это объясняется просто: каждый, кто знал об этом, пытался выйти на сокровища в одиночку. Я уверен, что и Густав Бергер не все знает.

– Но у него был отец, которому рассказал о шарике его отец. А он что, не искал?

– Искал или пытался, наверное. Но скорее всего безуспешно. А может, и не знал подробностей. Дядя Фридрих даже пытался жениться на баронессе, но его оттуда вышибли. А сын его, Карл, трус, да и, видно дядя Фридрих ничего ему не рассказывал...

– Ну ладно, когда поедem в Мексику?

– Как только соберем команду.

Москва

– Ты дома? – удивился, войдя в комнату, Женя. – Когда ты вернулась? – Он обнял Катю.

– Я тебе кое-что привезла. Как ты думаешь – что?

– Оленьи рога, – кивнул тот. – Я ведь просил...

– И еще вот что! – Она достала из сумки медвежий коготь.

– Ох ты! – обрадовался Женя. – Ну спасибо, сестренка! – Он поцеловал Катю. – А о прадеде что-нибудь узнала?

– Узнала, но не о нем, а то, что кто-то разыскивает Ивана Евгеньевича Мирославского. Это я слышала от троих разных людей. И разыскивают двое, точнее, две группы. Помнишь, дедушка говорил, что даже в архивах нет ничего о нашем прадеде. Только короткая запись: в июле сорок пятого года он был захвачен с группой японских диверсантов. А о том, как он попал в Японию и вернулся в СССР с диверсантами, сведений нет. Он же был в плену у фашистов. Об этом говорили французские летчики. Но и там никто ничего не нашел. То, что прадед перешел к немцам и они послали его в Японию, – полная чепуха, как мне кажется.

– Да в это никто и не верит. Французы, которые воевали вместе с прадедом, утверждают, что это полная чушь. Но кто и зачем может искать его могилу?

– В том-то и дело, что разыскивают не могилу, а место, где упал самолет. Я не поняла, что это за самолет и при чем тут наш прадед. Однако две группы активно ведут поиски...

– Я должен вам кое-что сказать, – раздался голос деда. В комнату вошел Иван Евгеньевич. – Я все слышал и теперь понимаю, что Семенов говорил правду. Он сказал, что кто-то пытается найти нашу семью. Ведь у одного убитого бандита была записка с нашей фамилией. А в Магаданской области кто-то разыскивает место падения самолета. Имеется версия, что мой отец пытался проникнуть в Россию с японскими диверсантами. Но это ложь, я в этом уверен. Отец захвачен был в том же районе, что и диверсанты. Но есть и другая версия. С аэродрома на Аляске за трое суток до обнаружения диверсантов был угнан двухместный самолет ВВС США. И улетел самолет в сторону России. Его преследовали истребители, но безуспешно. Самолет был сбит, пилоты погибли. Однако есть еще разговоры, ничем и никем не подтвержденные. Якобы самолет был угнан двумя бывшими военнопленными одного из фашистских лагерей. Но некоторые вернулись, и их отправили в лагеря, на сей раз советские. Потому что советский солдат не имел права сдаваться в плен. А раз был в плену – значит, предатель и твое место на нарах. Я уверен, что одним из тех двоих был мой отец, и пытаюсь найти факты и свидетелей, которые подтвердили бы мою уверенность. Но кому-то зачем-то это тоже нужно. А вот кому и зачем, понять не могу.

– Я тоже ничего не понимаю, – вздохнул Женя и посмотрел на сестру. – А ты, дедушка, почему раньше про самолет не говорил?

– Это всего лишь версия, фактов, подтверждающих ее, нет.

– Но это правда, – сказала Екатерина.

– Я сам только недавно узнал об этом, – вздохнул Иван Евгеньевич. – И не хотел говорить ни о самолете, ни о том, что...

– Ну вот что, – снова перебила его внучка, – через две недели в Магаданскую область снова отправляется группа. Я еду с ними. Вопрос решен, и возражения не принимаются. Так и скажи папе и маме, дедушка.

«Мой характер», – подумал Иван Евгеньевич.

– Я поеду с тобой, – заявил Евгений. – Вам же нужны рабочие... в конце концов – носильщики. В общем, еду. Это тоже не обсуждается, и...

– Перестань! – недовольно возразила сестра. – У нас там нет рабочих. Так что забудь.

– Не дури, Женька, – строго проговорил и дед. – Ну куда тебя понесет? Кате только тебя там не хватает. Выброси это из головы.

– Есть, товарищ полковник, – иронично отозвался внук.

– Я тебе устрою Колыму! – на всякий случай пригрозил дед.

– А что там с Вадимом? Как он? – спросил Женя.

– Сволочь он законченная и трус! – сердито ответила Катя.

– Кого принесло? – сонно проворчал, подходя к двери, бородатый здоровяк.

– Мemento мори! – послышался насмешливый мужской голос.

– Чё? – Он рывком распахнул дверь. – Странник!

– Привет, мон шер! – шагнул вперед Станнов.

Облапив его, бородач рассмеялся:

– Живой, значит? А тут тебя вроде как похоронили! Ты же...

– Ложный слух, мон шер. А ты как? Видно, гулял всю ночь. Время уже обеденное, а ты дрыхнешь. С дамой?

– Конечно, без... Я баб к себе не вожу.

– Понятно, ты все такой же. Дикарь – он и в столице дикарь!

– Ты-то уж больно ученый! – хохотнул бородач. – Сейчас чего-нибудь организую...

– У меня все есть, – успокоил его Артур, – и принять, и закусить.

– Надолго? – спросила худенькая пожилая женщина.

– На неделю точно, – ответил Муромец. – Как ты, мам? Что-то у тебя вид не очень...

– А какой ты хотел бы меня видеть? Сын сначала на войне, потом в тюрьму угодил, я пять лет в подушку плакала. Освободился и снова на войну уехал. И как я, по-твоему, должна себя чувствовать?

– погоди, мам, а что же Зинка? Она-то где?..

– Зинка теперь жена нового русского, вся из себя барыня, ей не до меня.

– Сучка! – кратко выразил свое отношение к сестре Юрий.

– Не нужно, Юра. Я сама просила ее не приезжать. А то зайвится со своим Костей, а тот нос воротит и постоянно на часы смотрит. Дел, мол, полон рот, извини, теща, ехать надо, деньги с неба не сыплются. Он же то ли банкир, то ли совладелец. Но богатый, охрана всегда при нем. Мне вот что обидно, – мать всхлипнула, внука совсем не вижу. Он все время у Костиных родителей. Ему скоро пять лет, а я... – Она всхлипнула.

– Мам, – Юрий подошел к ней, – ну хватит тебе. Хочешь, я...

– Не надо. Я понимаю, что у родителей Костиных мальчику лучше. Но хотя бы на час-другой ко мне его привезли. Когда Зина беременная была, я же все время с ней сидела, а как родила, так и... – Мать заплакала.

– Хватит, мама... – Юрий прижал ее к себе. – Вот сделаю тебе парочку, тогда и сиди с ними.

– Да где ж ты сделаешь-то? – улыбнулась сквозь слезы женщина. – На войне, что ли? Может, и есть у тебя уже ребенок, а ты даже не знаешь...

– Может, и имеется... Знаешь, а я Денисова встретил, он на Колыме золото моет. Женат. Зоя, жена, нормальная баба, симпатичная и приветливая. Тебе, кстати, гостинцев прислала. И Денис тоже подарок передал. Сейчас достану. – Поцеловав мать, Юрий вышел из кухни. – Иди сюда! – позвал он, мать вошла в комнату и остановилась. Сын держал в руках шапку из чернобурки, такой же воротник и женские унты. Мать ахнула. – Это тебе Денисовы передали. – Женщина снова всхлипнула. – Успокойся, мам! Носить это будешь. – Он накинул на плечи матери пушистый воротник, надел шапку. Придерживая за плечи, подвел ее к зеркалу. – Прямо царица! – Юрий поцеловал мать.

– Господи, родная дочь знаться не хочет, а товарищ сына, которого я два раза в госпитале навещала, с женой, которую не видела ни разу, такие дорогие подарки шлют! Это сколько же стоит-то, Юрка?

– Перестань, мама. Нравится?

– Красота-то какая! – Мать взглянула в зеркало. – Прямо барыня, – смущенно улыбнулась она.

– Да что там барыня, – сын прижал мать к себе, – королева!

– А я вот оденусь да поеду к своим в деревню и покрасуюсь там, пусть узнают, каков у меня сын. А то ведь приезжали Мария с Василием, а тут как раз Зинка со своей охраной наехала. Бросила на стол апельсины – и ни «здрасьте», ни «до свидания». Ну и чего теперь в деревне говорят? А вот я приеду...

– Маманя моя милая, – сын поцеловал ее, – все будет хорошо. В тюрьму я больше не попаду. Думаю, на сезон поеду с Денисом золото мыть.

– Так ведь опасно это, и убить могут... а если поймают, говорят, срок большой дают.

– Да я по разрешению, на сезон.

– А не врешь?

– Никак нет, ваше величество, – серьезно ответил сын.

Зеленоград

– Да хорош, командир! – вздохнул плотный мужчина. – Зачем мне лапшу-то на уши тебе вешать? Я к тебе как к человеку, потому что хоть ты и мент, но...

– Ты особо не обижай, – усмехнулся Семенов. – Я армеец. А брали мы вас, потому что...

– Да понял я. Мы про спецназ слышали. Вы себя во всех опасных делах подставляете. Ты тогда по-человечески со мной обошелся. Да и в армии мы с тобой вместе чехов били. Правда, потом дорожки разошлись, – усмехнулся он. – Я по зонам, а ты по горячим точкам. Но вот что – в зонах базарок прокатался, что один граф своему наследнику какую-то карту передал, по которой можно приличный куш хапнуть. Это с Колымы пришло. Однако я не хочу особо светиться.

– Да не сдам я тебя. Ты же помнишь полковника Мирославского?

– Конечно. Нормальный мужик, хоть и мент.

– Он сын того графа, и нет ни хрена у них никакой карты и никакого завещания от графа. Ты невзначай, между прочим, заговори об этом.

– Значит, наезд был на Мирославских?

– Пока нет. Но какой-нибудь отморозок запросто может нырнуть, когда дома никого не будет.

– Вполне... Но как ты себе это представляешь, майор? От какого угла мне плясать? С чего это вдруг я за ментяру заступаться буду? Базарок прокатился меж мужиками, блатота трюхи почирикала, и вроде как все стихло... По таким наводкам не работают. А самому искать

Мирославских – уши сломаешь. Сейчас ведь в справочное бюро не обратишься, – усмехнулся он. – Так что не ломай уши, майор, ничего страшного...

– Нахватался у блатных, – «не ломай уши», «чирикают». А ведь ты нормальным парнем в армии был.

– Это в прошлом. Теперь...

– Зря ты в это дерьмо влез, Медведев.

– Помнишь, однако? – Плотный вздохнул. – Давненько меня по фамилии не звали.

– Ладно, – майор поднялся, – пойду я.

– А не примешь грамм сто за тех, кто там остался?

– Конечно, врежу! – Семенов сел. – Это святое. За тех, кто там остался, за тех, кто жив, и за нас, за ВДВ и за спецназ! – Он подмигнул Медведеву. – Зря ты, Серега, думал, что откажусь. Я в тебе не урку вижу, а старшего лейтенанта Медведева, который...

– Хорош, Федор, – остановил его плотный.

– Судьба-злодейка тебя в тюрьму пихнула, и ты сломался. Так хоть сейчас будь таким, каким ты на войне был. Ну, изуродовал ты трех чехов на рынке – и что, легче стало? Наверное, думал, что суд с тебя обвинение снимет, а тебе пятеру вкатили...

– Хорош, командир, – хмуро попросил Медведев. – Я действительно думал, что судьи поймут и отпустят, но хрен на рыло. А ведь те чехи на рынке сами эту канитель затеяли. И ножи у них были, а мне пятерик, да еще вроде учили, что воевал и ранен был. Злость меня взяла. Я в камере одного чеха, который за разбой десятку получил, чуть не убил. Выходит, чехи наравне со мной, с тем, кто...

– А ты не думал, что не все чеченцы под Басаевым и Масхадовым ходили?.. – усмехнулся Семенов. – Да ну на хрен все эти разговоры, наливай!

– погоди, Домино, – криво улыбнулся полный лысый мужчина, значит, ты решил подоить Валентина? А вспомни, как ты ему бабки давал – без процентов и на три года. Прошел всего год, а ты уже наезжать начал. Думаешь, дурака нашел? Не на ту лошадку поставил, Домино. В общем, надеюсь, ты понял, кто есть кто, и не будешь совершать неразумных поступков. Тебя предупредили, не заставляй об этом напоминать.

– Но он, в натуре, мне должен, – сказал молодой мужчина. – А получается, что я ему...

– Еще один наезд на Валька, и ты вообще будешь с ним в расчете, понятно?

– Не понял. Но если вам так надо, то...

– Значит, ништяк! – Полный хлопнул его по плечу. – Пока, Домино! И не забудь позвонить Валентину.

– Обязательно звякну, – хмуро пообещал Домино. Полный вышел. Домино выругался. Налил водки и залпом выпил. – Не думал я, что у этого жида такие покровители. Похоже, я вообще ничего получить не смогу. Но это хрен вам на рыло!

– Да все нормально, Маркиза! – сообщил по телефону полный. – Неужели ты думаешь, для тебя я не поставлю на место сына какого-то уголовника? Но сумма, оказывается, не маленькая, все-таки десять тысяч евро...

– Кок, – усмехнулась Анжелика, – неужели ты думаешь, я не отблагодарю тебя равноценно? Однако Валентину повезло, да и мне тоже. Но я кое-что придумала, приеду – расскажу.

– Да я и не сомневаюсь в твоей сообразительности, иначе не было бы разговора с этим Домино. Но твой братик пусть тоже что-то делает. Я имею в виду половину взятой в долг суммы.

– Конечно, получите. Правда, не сразу. Приеду и все объясню.

– Надеюсь, я буду доволен. Как там дела у Мишки?

– Он на высоте. Но у меня появилась конкурентка, – насмешливо сообщила Анжелика.

- Ритка Колосова?
- Она.
- Ну пусть только вернется, мы быстро поставим ее на место!..

* * *

– Я не знаю, как быть, – вздохнул Яков Лазаревич. – Вроде бы и заинтересовала меня эта история, но с другой стороны, я здравомыслящий человек.

– Неужели вы не хотите хоть ненадолго почувствовать себя настоящим авантюристом? – засмеялся Давид Моисеевич. – В конце концов вы ничего не потеряете, а вполне сможете написать о том, о чем вы грезите – документальное повествование о пирате, кстати, доселе неизвестном...

– Пиратство – тема писателей приключенческого жанра, – ответил Эйверман. – С другой стороны, статья Доули свидетельствует о том, что глобус, изготовленный в Индии по заказу пирата, не сказка. Но я просто не представляю, с чего начать поиск.

– Вы не могли бы сообщить хоть какие-нибудь сведения?

– Не могу сказать, откуда мне это известно, и надеюсь на вашу поддержку...

– Подождите, уважаемый, – нахмурился Эйверман. – Значит, вы на кого-то работаете? Я правильно вас понимаю?

– Ну, не совсем так. Я бы сказал, что отчасти я представляю интересы одного человека. Но...

– Давайте ближе к делу, – перебил его Эйверман.

– Прочитав статью Чарлза Доули, я стал искать след капитана Бадензе, и тут ко мне обратился один американец с немецкими корнями, который предложил делать все то же самое за приличные деньги. К тому же я мог рассчитывать на дополнительную информацию. И я не смог отказаться. Если сумею найти одну из частей глобуса, получу пятьсот тысяч евро. И я подумал о вас, Яков. Этот человек сообщил мне, кто забрал остальные части.

– Мирославский, – улыбнулся Эйверман. – Но я не припомню, чтобы кто-то из российских дворян в восемнадцатом веке...

– Мне неизвестны подробности, но дело, как я понял, началось в конце войны. Каким-то образом то, что нужно этому человеку, попало в руки графа Мирославского. Деталей не знаю. Как я понял, их не знает и тот, кто ко мне обратился.

– Тем не менее это чистой воды глупость. Я не могу поверить, что мне это говорите вы, Давид...

– Я рассказал вам правду и очень рассчитывал на вашу помощь. Дайте мне возможность познакомиться с Мирославскими. За это вы получите пять тысяч евро. Если же я что-то узнаю, еще десять.

– Но я незнаком с Мирославскими. Но даже если бы был знаком, никогда не пошел бы на это.

– Яков Лазаревич, – вздохнул Шалон, – я прошу вас о помощи, причем не безвозмездно. Поверьте, им ничего не угрожает. Просто вы познакомьте меня с...

– Я не знаю никого с такой фамилией.

– Уважаемый Яков Лазаревич, вы хорошо знаете Романовых. С ними знаком и Евгений Мирославский, правнук графа Мирославского. Кстати, правнук назван в честь графа. Так вот, представьте меня Романовым, а они, в свою очередь, познакомят с Мирославскими. Например, через неделю у Анатолия Викторовича Романова день рождения. Наверняка он пригласит и вас, и Мирославского. А вы, как мой родственник... ведь может у вас быть в Израиле...

– Послушайте, Давид Яковлевич, – гневно прервал его Эйверман, – я никогда не был...

– Вам придется сделать так, как прошу я, – неожиданно угрожающе перебил Шалон, – или вашей семье будет плохо. Извините, Яков Лазаревич, вы не оставляете мне выбора. Вы же знаете, что ваш сын Валентин должен десять тысяч евро некоему уголовнику. Так вот, если вы сделаете так, как прошу я, долг вашего сына спишут. Если нет, последствия будут катастрофические.

– О каком долге вы говорите?

– Позвоните Валентину, задайте этот вопрос, и тогда вы поймете, что я прав.

– А вы страшный человек, Давид, – помолчав, произнес Эйверман. – Значит, вот почему вы явились ко мне. Негодяй, неужели...

– У меня нет выхода, к тому же на кон поставлена и жизнь правнука Мирославского. Если прольется кровь, будут искать причину. Тем более что его дед, Иван Евгеньевич Мирославский, полковник МВД. Поэтому не хотелось бы крови.

– А знаете, коллега, – насмешливо проговорил Эйверман, – делайте что хотите, но я ничего предпринимать не стану. В конце концов мой сын взрослый человек и должен отвечать за свои поступки. Если вы немедленно не уберетесь, я вызову милицию. Даю вам десять секунд. – Он вышел из комнаты.

Шалон взял сотовый.

– Я все понял, – слышался голос Абдуллы, – и сумел войти в подъезд. Открой дверь.

– Ты болван, Абдулла! – раздраженно проговорил Шалон. – У тебя же есть ключ. Хотя не торопись. И не забудь, что ты должен меня слегка ранить.

– Откуда ты знаешь о долге, папа? – нервно спросил Валентин.

– Значит, это правда, – отключив телефон, прошептал Яков Лазаревич и тяжело вздохнул. – Я сам во всем виноват. Почему я не уехал в Израиль? Не мог покинуть Россию, оставить могилы предков. Ну что ж, – он посмотрел на телефон, – нужно помочь сыну. – Он встал и быстро подошел к кабинету. – Я согласен, – открыв дверь, сказал он.

– Что? – посмотрел на него Шалон. – Подождите! – Он схватил сотовый.

– Что еще? – недовольно спросил Абдулла.

– Он согласен.

– Согласен?

– Да-да-да! – громко проговорил Шалон.

– В чем дело? – спросил Эйверман. – Кому вы звонили?

– Не важно! – Шалон облегченно вздохнул. – Главное, вы согласны. Вы не представляете, как это хорошо.

– Откуда отец узнал? – нахмурился Валентин. – Вообще-то ему звонила Анжелика. Но нет, она не сказала бы. Странно... Домой сегодня не пойду, не хочу говорить об этом с отцом.

– Как там твой дед? – разливая чай, спросила немолодая женщина.

– С ним все нормально, – улыбнулся Женя. – Он вам привет передавал.

– Он не забыл о дне рождения Анатолия?

– Ну что вы, Нина Петровна, конечно, нет. Он уже и подарок купил. Хотя какой – не скажу.

– Настя! – громко позвала Нина Петровна, – поторопись, Женя уже собирается уходить. Я уговорила его выпить чаю.

– Привет всем! – В комнату вошла стройная красивая девушка. – Ты действительно собираешься уходить?

– Нет, – улыбнулся Женя, – чай очень вкусный.

– Значит, ты из-за чая к нам ходишь?

– И из-за него тоже, – в тон Насте ответил он.

– Да, – с улыбкой сказал по телефону мужчина. – Разумеется, ты приглашен. Что? Да, конечно, не против. Твой друг станет и нашим хорошим знакомым.

– Хорошая у меня будет теща! – улыбнулся Женя.

– Вот это да! – весело возмутилась Настя. – Нет бы нахваливать меня, а он сразу подбивает клинья под тещу. А я возьму и не выйду за тебя, и что тогда?

– Я покончу с собой.

– Когда стану твоей женой, ты пожалеешь, что не убил себя. Я сделаю твою жизнь невыносимой! – Настя засмеялась.

– Почему мы раньше заявление не подали? – Наклонившись, он прижал ухо к ее животу.

– Что ты там хочешь услышать? Я только позавчера узнала о своей беременности.

– Слушай, земля, – раздался насмешливый голос, – а наши ширинки послушать нет желания?

Женя выпрямился. Рядом стояли трое качков.

– Что вам нужно? – Настя загородила Женю собой. – Идите своей дорогой!

– А ничего крошка! – Загорелый парень попытался схватить ее за руку. – Пошли с нами, сучка, мы тебя...

Женя ударил парня ногой в подбородок, и он упал. Ударом пятки в лоб Женя встретил бросившегося на него второго. Третий отскочил. Женя пнул его в живот.

– Бежим! – Услышав крик: «Милиция! Драка!», Настя схватила Женю за руку.

– Да они сами виноваты, – сказала женщина. – Привязались к парню и девушке.

– Верно говорит, – пробасил пожилой мужчина. – Я тоже могу подтвердить. И девчонку хотели с собой утащить. Молодец парень, дрозда им дал.

– Как они? – записывая показания свидетелей, спросил капитан милиции у подошедшего старшего сержанта.

– Перепало культуристам! – весело ответил тот. – Сотрясение у двоих, у третьего ребро сломано, он на урну боком рухнул.

– Медицина их забирает? – спросил капитан.

– Да, – кивнул старший сержант.

– Если заявление напишут, – недовольно проворчал капитан, – придется искать парня. А ведь говорят, что...

– Не будут они заяву писать, – усмехнулся старший сержант. – Это же позор, они вон какие, а он их один сделал.

– Где ты научился так драться? – спросила Настя.

– Просто со страху! – засмеялся Женя.

– И я выхожу за этого вруна замуж! Я думала, ты всегда говоришь правду. По крайней мере мне.

– Дед научил боевому самбо. Я в семь лет нашел пособие по джиу-джитсу и начал самостоятельно заниматься. Дед об этом узнал и стал меня учить. Потом я в секцию пошел. У нас и Катька занимается, однажды к ней на остановке двое каких-то пьяных пристали. Я бегом к ней, а она – бац-бац! – и они лежат.

Женя поцеловал девушку.

* * *

– Лижутся, – сказал сидевший за рулем белой «Таврии» длинноволосый парень. – А шкура ништяк! И долго мы пасти их будем? – спросил он. – А то уже, блин, как на работу выходим и на этой рухляди катаемся. Ништяк, никто не видит, а то бы...

– Закрой рот, – лениво проговорил мужчина в очках. – Будешь делать то, что скажу. И в «Запорожец» задрипанный сядешь, если потребуется. Бабки клевые дают, какого хрена выделяваться? А что просто пасем иногда, мне по кайфу. Лучше, чем мочить или похищать.

– Никаких сведений нет, Иван Евгеньевич, – сказала по телефону молодая женщина, старший лейтенант милиции. – Я просмотрела все дела за июль и август сорок пятого года. О самолете только короткий рапорт: перелетел, был подбит зенитной артиллерией. Летчики погибли в самолете. О вашем отце тоже ничего нет, не считая сообщения от июля сорок пятого об уничтожении группы японских диверсантов и захвате двоих русских и проводника чукчи.

– Вот это мне покоя и не давало, – откликнулся Иван Евгеньевич. – Все, что есть о проводнике, узнай немедленно.

– Сделаю, Иван Евгеньевич.

– И пожалуйста, подними дело Рукавина, я бы хотел его просмотреть.

Япония, Офунато

– Сын приехал, – улыбнулась японка, – подарков привез и игрушек детям сестры. – Поклонившись, она пошла к своему дому.

– Плохая женщина, – сказала пожилая японка, сидящая в увитой цветами беседке. – Родила Исао от европейца по молодости. Ее хотели убить, но она сбежала. Потом вышла замуж за бедного матроса, родила дочь. Матрос вскоре умер. Исао – якудза, об этом все знают. Но полиция никак его не арестует. А он, говорят, убивает тех, за кого деньги заплатят.

– Он в школе ниндзя был, – сказала немолодая японка, – в детстве его туда забрали, готовили для армии, но он убил офицера с американского корабля. Его арестовали, однако вскоре отпустили. Он редко приезжает. Но подарки матери и детям сестры всегда привозит. Муж сестры – рыбак.

– Хватит вам чернить соседей, – сердито вступила в разговор третья женщина. – Никто ничего точно не знает. Йоко изнасиловали русские в порту, и она забеременела. Потом родился Исао. А вы говорите...

– Она сама отдалась русскому, – возразила первая, – влюбилась в него. Исао – плод любви.

На лужайке возле дома стройный молодой мужчина делал упражнения «цигун». Мать, подойдя, залюбовалась плавными движениями сына, потом тихо прошла в дом.

– Хватит, Исао! – раздался из окна женский голос. – Мама пришла. Иди обедать.

– А кто этот дядя, бабушка? – глядя в раскрытый альбом, спросил мальчик лет пяти. Бабушка, не отвечая, ушла на кухню.

– Сколько раз нужно говорить, – сердито сказала мальчику молодая женщина, – не трогай бабушкины вещи. – Захлопнув альбом, она понесла его в комнату.

– Что случилось? – вошел Исао. – Кто обидел маленького самурая? – с улыбкой спросил он малыша.

– Мама бабушкин альбом забрала, – ответила за братика девочка лет семи.

– Бабушка не хочет, чтобы альбом брали маленькие самураи, – ответил Исао. – Вырастешь, тогда сам все увидишь и узнаешь.

– Дядя Исао, – подошла к нему девочка, – а почему у вас глаза больше, чем у всех нас, и лицо какое-то другое?

– А ты малышка, когда вырастешь, будешь работать в полиции! – Исао подбросил завизжавшую от восторга девочку.

– Тебя Танака спрашивал, – сказала вошедшая сестра. – Он говорит...

– Знаю, – остановил ее Исао.

– Танака говорил, что ты в Россию собираешься, – не унималась сестра. – Это правда? И если да, то зачем?

– Хочу попрактиковаться в русском языке, – с недовольным смешком ответил Исао. – Меня берут переводчиком в компьютерную фирму.

Токио

– Где твой сын? – Скуластый японец ударил лежащего на полу окровавленного мужчину.

– Я не знаю, – простонал тот.

– Говори, собака!

– Не знаю. Он никогда, не говорит, что делает и куда уезжает. Я не знаю...

Японец кивнул. Молодой парень поднес к пяткам лежащего раскаленную железную пластину. Раздалось шипение, в комнате запахло горелым мясом. Мужчина потерял сознание. Сидящий в кресле японец в очках поморщился и вышел из комнаты.

– Так мы ничего не узнаем. Как я понял, этот кореец ничего не знает о сыне. А мать предпочла смерть. Но почему кореец говорит по-русски? – удивленно спросил он.

– Сын не его, а женщины, – ответил худой японец в халате. – Замуж она не вышла, а кореец остался у нее жить. Он сын нашего генерала, а мать кореянка. Он говорит по-русски, по-корейски и по-японски. А этот русский убил Тао Сана и исчез. Мы думали, что он в Токио, но там сказали, что он куда-то уехал. Найти его мы не смогли и захватили его мать и корейца. Но мать умерла, а...

– Он сдох, – хмыкнул скуластый.

– И что теперь? – посмотрел на него японец в очках.

– Надо ехать в Офунато. Там живет...

– Не стоит этого делать, – вмешался рослый человек со шрамом на лысой голове. – Брат этого русского гада в клане Черного дракона. А Черный дракон не прощает тех, кто посягнул на его людей.

– А если ему все объяснить и попробовать договориться? – спросил очкастый. – Даже заплатить?

– Черный дракон не берет денег, – покачал головой лысый. – Тот, кто тронет его людей, становится врагом всего клана. Я бы не стал этого делать. Но если вам надоело жить, то попробуйте.

– Он правду говорит, – поддержал лысого худой.

– Послушай, Живой мертвец, – недовольно обратился к худому японец в очках, – для чего я заплатил тебе?

– Я захватил тех, кого ты указал, – ответил худой. – И на этом наше соглашение заканчивается. С кланом Черного дракона я воевать не буду.

– Боишься? – усмехнулся очкастый.

– Я ничего не боюсь, я Живой мертвец, сын опаленной атомным взрывом матери. И могу умереть в любую секунду. Я выполнял твой заказ, поэтому не убью тебя. Но соглашение закончилось, и мой тебе совет, Директор: уходи молча. Или твою голову похоронят отдельно.

Япония, Офунато

– Зачем тебе Россия? – печально спросила мать. – Там сейчас убивают нерусских. В стране, победившей фашизм, он возрождается...

– Мама, – улыбнулся Исао, – я ничего и никого не боюсь. Я ниндзя, нам неведомо чувство страха. Со мной ничего не случится. Я кое-что узнал, и мой долг попытаться это остановить. Ну если не остановить, то попытаться предотвратить преступление. К сожалению, во мне есть кровь негодяя, и я хочу исправить то, что он сделал...

– Поступай как хочешь, Исао. Ты чист душой и сердцем. Однако я боюсь за своего ребенка. Ты воин, но для мамы ты навсегда останешься ребенком, за которого она будет беспокоиться. Ты взрослый и знаешь, как поступить. Прости за то, что пыталась остановить тебя, сын.

– Мама, – подошел к ней Исао, – не надо извиняться. Я должен просить твоего прощения и благословения. Пожелай мне верных друзей, хорошей еды и здоровья.

– Пусть дрогнет рука твоего врага! – вспомнила мать пожелание воину, отправляющемуся в поход.

Лондон

Полусонный охранник, сидя на складном стульчике, налил из термоса кофе и сделал несколько глотков. Потом закурил и взглянул на часы.

– Останется запах дыма, – зевнув, пробормотал он. – Нельзя, хозяин этого не любит. А для меня такая работа – самое то. – Он отключил сигнализацию и приоткрыл дверь. Неожиданно сдавленно икнув, он начал падать. Человек в маске поймал его за плечи и аккуратно уложил на пол. Второй, войдя, притворил дверь и бросился внутрь здания.

«Осталось три минуты, – недовольно подумал стоящий над охранником налетчик. – Убивать старика не буду. Что теперь?..

Из помещения выскочил напарник и бросился к двери. Осторожно приоткрыв ее, он осмотрелся. Затем выскользнул из здания. Второй последовал за ним».

– Ну кому что понадобилось? – сердито проворчал лежащий на кровати мужчина и взял трубку. – Говорите.

– Нападение на ваш музей, мистер Седрик.

– Что? – Он порывисто сел.

– Ограбили ваш музей. Охранник был оглушен, сейчас его осматривают врачи.

– Еду! – Седрик вскочил.

– Еду, – сказала по телефону Линда. – Лаура, – позвала она. – Вставай! – Стройная загорелая женщина поднялась с кровати.

– Я не знаю, что случилось, – бормотал охранник. – Мне показалось, что дверь открывается. Я подошел и получил удар по шее... – Он наклонился. На шею в области сонной артерии расплылся синяк.

– Специалист бил, – со знанием дела проговорил детектив в штатском. – Указательным пальцем точно в середину сонной артерии. Удар был нанесен не с целью выключить его на несколько минут. Таким ударом, который называется укусы гадюки, можно отключить человека от трех до пяти минут.

– Хватит, знаток Востока, – проворчал плотный усач. – Что у вас? – спросил он, обращаясь к группе экспертов.

– Ничего. Если бы не пропажа и не след от удара, можно было бы предположить, что охранник это придумал. Следов нет. Точнее, есть, но смазанные, как будто скользили по полу в шерстяных носках.

– Что взяли? – поинтересовался вошедший комиссар полиции.

– Копию алмазного глобуса Черного Джона, черт бы их побрал! – покраснев от охватившей его ярости, сказал хозяин.

– Ценная вещь? – сочувственно спросил комиссар.

– Да вся ценность в том, что это копия глобуса, изготовленного в восемнадцатом веке индийским мастером по заказу пирата Черного Джона. Вы уволены без пособия! – гневно крикнул Седрик, увидев охранника. – Счет за лечение мне не присылайте... Дверь грабителям открыл он!

– Это подтверждает мою версию, – усмехнулся знаток боевых искусств. – Сигареты возле двери, и на сигнализации свежий отпечаток его большого пальца.

– Помолчи, Джексон.

– Что случилось? – В музей стремительно вошла Линда.

– Копию глобуса украли, – ответил Седрик.

– А как? – посмотрела она на охранника.

– Покурить хотел, – не поднимая головы, пробормотал тот. Удар ногой в голову бросил его на пол.

– Классный ударчик! – восхитился Джексон.

– Нога тоже отличная, – пробормотал старший инспектор.

– Теперь лечение оплачивать придется тебе, Линда, – усмехнулся хозяин. – Но я надеюсь, делу не дадут хода?.. – он посмотрел на комиссара.

– Скорее всего нет. Иначе он запросто может стать соучастником.

– А если так оно и есть? – вмешался старший инспектор.

– Тогда бы его так не били, – возразил Джексон. – Он по крайней мере суток двое будет лечиться, давление от такого повышается.

– Хватит, специалист восточных единоборств, – сердито посмотрел на него комиссар.

– Извините, – виновато вздохнула Линда, – не сдержалась. Ведь не один раз его предупреждали, он обещал бросить курить.

– Черт! – воскликнул Гарри и позвал: – Иди сюда!

Отжимавшийся на полу Дэн вошел в комнату.

– Копию глобуса украли! – Гарри кивнул на экран телевизора.

– Вот это да! Надеюсь, твои отношения с Линдой не позволят ей навести на нас Скотленд-Ярд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.